

ЛУИЗА ПЕРРИ

ТЕМНАЯ СТОРОНА СЕКСУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЭПОХИ ЭРОТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Smart

Луиза Перри

**Темная сторона сексуальной
революции. Переосмысление
эпохи эротической свободы**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 392.6
ББК 60.5

Перри Л.

Темная сторона сексуальной революции. Переосмысление эпохи эротической свободы / Л. Перри — «Издательство АСТ», 2022 — (Smart)

ISBN 978-5-17-149274-8

Отказ от мрачного сексуального традиционализма прошлого – однозначно положительный момент. Сексуальная революция позволила нам наслаждаться пьянящей смесью эротической свободы и личной автономии. Ведь так? «Нет», – утверждает Луиза Перри. Образ аморального распутника и бездушное разочарование либерального феминизма в нашей современной гиперсексуализированной культуре приносят больше вреда, чем пользы. Главные победители в новом мире грубого секса, культуры сексуальных отношений и повсеместного распространения порно – это крошечное меньшинство высокопоставленных мужчин, а не женщины, вынужденные мириться с излишествами мужской похоти. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 392.6

ББК 60.5

ISBN 978-5-17-149274-8

© Перри Л., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Благодарности	7
Предисловие	8
Глава 1. Секс – это серьезно	10
Что не так с сексуальным либерализмом	14
Сексуальное расколдовывание	17
Хронологический снобизм	21
Глава 2. Мужчины и женщины – разные	24
Человеческие животные	27
Различия «в мозгах»	30
Изнасилование как стратегия адаптации	34
Как нам с этим быть?	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Луиза Перри

Темная сторона сексуальной революции. Переосмысление эпохи эротической свободы

Louise Perry
The Case Against The Sexual Revolution

© Louise Perry 2022

© М. Д. Журавлев, П. С. Одинцов, перевод, 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

«Если вы феминистка и не уверены, стоит ли браться за эту книгу, уверяю вас – дайте ей шанс. Блестяще написанная, умно аргументированная, насыщенная захватывающими идеями и фактами: согласитесь вы с основным посылом Перри или нет – так или иначе, книга вас не разочарует».

Джули Биндель, феминистка и писательница, авторка книги «Феминизм для женщин»

«Великолепная по форме и содержанию, эта в высшей степени оригинальная книга является настоящим призывом к сексуальной контрреволюции. Читаешь, и тебя словно окатывает ледяной водой, пробуждая от ночного кошмара».

Хелен Джойс, авторка книги «Транс: когда идеология встречается с реальностью»

«Это исключительно важная книга, блестяще аргументированная. Перри бросила самый радикальный феминистский вызов не оправдавшему ожиданиям либеральному феминизму. Глубоко проработав научные, культурные и исторические материалы, из любви к женщинам Перри стала вероотступницей: она осмелилась утверждать, что мужчины и женщины – разные, особенно в сексуальном плане, и что так называемая сексуальная революция попросту “обула” женщин, особенно молодых и бедных, причем самым вопиющим образом. Культура свободных отношений и возможность “заниматься сексом как мужчина” – для большинства девушек и женщин здесь едва ли идет речь об освобождении. То, что Перри говорит о порнографии, проституции и сверхэротизации культуры, одновременно верно и душераздирающе. Но, пожалуй, больше всего цепляют и обезоруживают те ее страницы, где она пишет о феминизме и материнстве, о том, что нам следует делать, чтобы дети и пожилые женщины жили и процветали. Аплодисменты за стиль и за столь смелое здравомыслие».

Филлис Чеслер, писательница, феминистка и психолог, авторка книги «Женщины и безумие»

«Нас давно убеждают, что быть феминисткой – значит прославлять “секс-работу”, жесткую порнографию и секс без

обязательств. Женщины с иной точкой зрения оказываются не просто некрутыми – они становятся врагами социальной справедливости. Какого черта? Как глобальному рынку секс-торговли, абсолютно женоненавистническому, удалось завербовать феминизм? Разобраться с этим поможет блистательный интеллект Луизы Перри, которая в своей очень продуманной, своевременной и остроумной книге разоблачает “секс-позитивный” феминизм, в действительности ни позитивный, ни сексуальный. Перри отстаивает новую точку зрения, ведь настало время поставить в центр внимания истинные интересы, желания и счастье женщин».

Джэнис Тернер, обозревательница и журналистка «Таймс»

«Перри открывает нам глаза на то, какую цену мы платим за сексуальную революцию. И какой должна быть наша точка зрения на политику, если мы хотим, наконец, учесть интересы женщин, забытые как либеральными пророками прогресса, так и брюзжащими консерваторами. Перри – проницательная и уверенная проводница, которая знакомит нас со всеми основными областями и проблемами современной сексуальной политики: отношения, брак, дети, порнография и насилие в отношении женщин. Мы живем, как она считает, в эпоху “социального расколдовывания”. И поэтому нам нужна новая мораль, а также новые добродетели, ведь сексуальная революция провалилась, и ее основные жертвы – женщины и дети – пострадали сильнее всех. Книга Перри – образец смелости и непоколебимой веры в то, что нам есть чему поучиться друг у друга. Вечеринка окончена – да здравствуют любовь, добродетель, преданность и доброта».

Нина Пауэр, авторка «Чего хотят мужчины?»

Благодарности

Я безмерно благодарна моему литературному агенту Мэтью Гамильтону и моему редактору Джорджу Оверсу, без которых эта книга никогда не была бы написана. Я также обязана многим людям, которые прочитали и прокомментировали различные наброски и черновики: Джули Биндель, Дайане Флейшман, Дэвиду Гудхарту, Камилле Гийо, Джессике Мастерсон, Дине Макмиллан, Нине Пауэр, Катарине Ритцлер, Радживе Шаху, Кэтлин Сток и Рэнди Торнхиллу. Я должна особенно поблагодарить блестящую Мэри Харрингтон за идеи и постоянную поддержку, а также других моих «реакционных» подруг-феминисток: Алекс Кашуту, Кэтрин Ди, Хелен Рой и Мэйсон Хартман. Я бесконечно благодарна Фионе Маккензи, моей подруге и коллеге, основавшей проект *We Can't Consent to This*. Я также должна поблагодарить Еву и Макса за то, что они всегда были рядом, несмотря на мои порой пугающие взгляды. Я действительно ценю это.

Для меня невыразимо важны любовь и поддержка моего мужа и других членов моей семьи – моего любимого сына, который родился во время написания этой книги, и мамы, моей самой верной читательницы, которая прочла каждое слово, которое я когда-либо опубликовала.

Я убеждена, что недостаточное уважение к целомудрию со стороны мужчин является источником многих физических и моральных зол, которые терзают человечество, а также пороков и безрассудства, которые унижают и губят женщин.

Мэри Уолстонкрафт. В защиту прав женщины

он говорит, нашли бордель,
копая прошлой ночью,
но как узнал, спросила я,
в ответ – тяжелый вздох:
костей младенческих мешки
детей новорожденных,
вот как узнать бордель

Холли МакНииш. Разговор с археологом

Предисловие

Что нам дала сексуальная революция 1960-х? В своей блестящей книге Луиза Перри утверждает, что все зависит от того, кому это – «нам». Изобретение противозачаточных таблеток позволило женщинам не бояться нежелательной беременности и заниматься сексом так, как это делают мужчины – не зная меры и не связывая себя обязательствами. Многие женщины утверждают, что им нравится такая половая жизнь. Но, как показывает Перри, мы можем усомниться хотя бы в части таких свидетельств. Ведь сегодня мы живем в мире, где можно душировать женщину во время секса, анально проникать в нее или эякулировать ей на лицо, снимая это на камеру. А что же запрещено? Запрещено женщинам выражать свое недовольство по поводу сексуальной сделки, которая навязывается им обществом. Сделки, которая гласит – пожертвуйте своим благополучием ради удовольствия мужчин, иначе у вас не будет ни одного шанса на гетеросексуальном рынке.

В своих иногда шокирующих зарисовках Перри констатирует: пагубные последствия, которые сексуальная революция оказала на женщин в двадцатом веке, в цифровую эпоху двадцать первого века разрослись до колоссального масштаба. Едва ли можно сомневаться, что современная сексуальная культура разрушительна – причем прежде всего для молодых женщин. Она стремится превратить их в секс-кукол, подталкивает к беспорядочным половым связям, бомбардирует их фотографиями членов и жесткой порнографией, говорит им наслаждаться унижениями и истязаниями в постели. Девушек уверяют, что, пока это их выбор, эксплуатация за деньги – это «секс-работа», а «секс-работа – тоже работа». Женщин призывают не смешивать секс с любовью, не вовлекаться в отношения слишком сильно и держать эмоциональную дистанцию. Культура требует от них изменять свое тело в соответствии с порнографическими идеалами. И, что хуже всего, она утверждает, что выполнение всего этого расширяет их права и возможности, игнорируя очевидный факт, что побуждать женщин смирить свой разум и подчинить свое тело малознакомым мужчинам – которые физически сильнее их – это буквально смертельно опасно.

Возможно, кому-то покажется удивительным, что феминизм служит одним из источников табу на обсуждение издержек и последствий сексуальной революции. Но дело в том, что популярный феминизм является всего лишь версией либерального феминизма, а либеральный феминизм в своем популистском облике сосредоточен в первую очередь на «праве женщины на выбор», на «согласии», истолкованном крайне размыто. Что бы ни происходило – все в порядке, если это ваш выбор или если вы даете на это свое согласие. Очевидно, что при этом упускается из виду возможное давление со стороны сверстников, партнеров или более широких культурных факторов. Давление, которое заставляет женщин верить в желанность того, что они позже сами признают вредным. Культура, построенная на мужской сексуальности, заинтересована в том, чтобы убедить женщин заниматься сексом как мужчина, и многие женщины соглашаются на это, хотя потом сами сожалеют.

В этот момент во многих читательницах может проснуться либеральная феминистка: а что, если я действительно хочу всего этого? Что ж, за вас можно только порадоваться, если это действительно так. Однако, как показывает Перри, даже если такая половая жизнь и подходит для одних женщин, она не подходит для остальных. И дело не в том, что они строят из себя скромниц, что они «фригидны», «асексуальны» или находятся «в моральной панике» – эти и другие оскорбительные слова произведены нашей культурой для того, чтобы поддерживать в рабочем состоянии всю эту машинерию мужского удовольствия. Дело даже не в религиозности. Существует множество причин относиться с настороженностью к современным сексуальным нравам, и эти причины имеют чисто светский характер.

Заикленность либерального феминизма на выборе, а также его неспособность обсуждать глубокие различия между женщинами и мужчинами восходят к его интеллектуальному прародителю, коим является либерализм – политическая традиция, в значительной степени сосредоточенная на свободе выбора как факторе, который определяет личность. Фантазия либерального субъекта – это якобы бесполой индивид, определяемый главным образом наличием свободы воли, не связанный семейными узами или общественными ожиданиями и относительно беспрепятственно следующий личным предпочтениям. Я говорю «якобы бесполой», поскольку – с точки зрения феминисток второй волны, чьи позиции обновляет Перри, – эта идеализированная фигура либерального субъекта больше напоминает мужчину, сеющего свое семя по свету, чем женщину, чья жизнь тесно связана с детьми, которые являются результатом ее сексуальной активности.

Итак, что же действительно может помочь женщинам? Перри обращается к биологии и эволюционной психологии, задаваясь вопросом: чего склонна желать женщина, если иметь в виду, что она является животным женского пола, с его специфическими репродуктивными способностями?¹ Учитывая непростую историю дискуссий о природе и воспитании в феминизме, обращение к «естественному» – рискованный шаг. Тем не менее подход Перри заслуживает непредвзятого отношения, особенно если вспомнить популярный сегодня нарратив о пластичности человеческого тела и разума. Страх либерального феминизма перед ограничениями личной свободы настолько велик, что теперь – в тандеме с его лучшим другом капитализмом – он истолковывает факты о здоровых телах как препятствия на пути к свободе. Вам не нравится ваша грудь? Купите новую или вообще отрежьте! Невероятно, но некоторые феминистки в своем отрицании заходят так далеко, что считают биологию мифом или конструктом. Однако, как утверждает Перри, именно признание «жестких ограничений, налагаемых биологией», позволяет нам делать обоснованные выводы о женском благополучии. Выводы, которые будут основаны на фактах, а не на мужских проекциях или фантазиях.

Опыт Перри – как журналистки, обозревательницы и участницы кампании против использования в суде алиби «грубого секса» – идеально подходит для работы с такими проблемами, и она делает это бесстрашно и с характерным стилем. В ее книге есть целый ряд моментов, совсем не типичных для современного феминистского текста. Отказываясь от легких побед «феминизма классных девчонок», она гребет против розового течения секс-позитивной пустоты, защищая неудобные истины. Ее не подкупают модные словечки либерального феминизма – «свобода» и «равенство». Вместо этого она фокусируется на потребностях и благополучии женщин – так, чтобы ее точка зрения действительно не зависела от обычных соображений мужчин. Независимо от того, согласны вы в конечном счете с анализом Перри или нет, эта книга крайне серьезно относится к женским интересам и формирует пространство, в котором женщины могли бы как следует поставить вопрос об издержках современной сексуальной культуры, в которой их вынуждают действовать по принципу «все или ничего». Это действительно важно для благополучия молодых женщин, и мы должны быть благодарны Перри за развитие этой дискуссии.

Кэтлин Сток

¹ В разговорах о животных нет ничего оскорбительного. Все мы являемся животными, о чем иногда забываем только из-за своего высокомерия.

Глава 1. Секс – это серьезно

Хью Хефнер и Мэрилин Монро – две иконы сексуальной революции. Они родились в один и тот же год и, хотя при жизни ни разу не встретились, были похоронены бок о бок². В 1992 году Хефнер купил место на кладбище по соседству с Монро в Мемориальном парке Вествуд в Лос-Анджелесе за 75 000 долларов³. Он рассказывал «Лос-Анджелес таймс»: «Я верю в символические вещи... [так что] провести вечность рядом с Мэрилин – слишком хорошо, чтобы пренебречь этим»⁴. В возрасте 91 года Хефнер исполнил свою мечту. Давно умершая Монро не имела права голоса в этом вопросе. Впрочем, и на протяжении ее короткой жизни ей нечасто давали право голоса в том, что делали с ней мужчины.

Мэрилин Монро была одновременно и первой звездой на обложке, и первой обнаженной моделью на развороте первого номера хефнеровского журнала «Плейбой», вышедшего в декабре 1953 года. Обложка обещала «развлечение для МУЖЧИН», и журнал, несомненно, сдержал обещание, как показал его немедленный коммерческий успех.

Фото обнаженной Мэрилин Монро были сделаны за четыре года до момента публикации. В 1949 году двадцатитрехлетняя Монро получила 50 долларов за двухчасовую сессию с пинап-фотографом Томом Келли, который пообещал, что на фотографиях ее будет невозможно узнать. И он почти сдержал обещание⁵. Не сразу можно догадаться, что женщина, свернувшаяся калачиком на красном бархатном покрывале – это Монро. Ее волосы были тогда немного темней, мученическое лицо было наполовину скрыто за вытянутой рукой, а прелестное белое тело было неотличимо от тел большинства других моделей «Плейбоя». (Первая чернокожая женщина появилась на развороте журнала только в 1965 году, когда там «посчастливилось» оказаться восемнадцатилетней Дженнифер Джэксон, впоследствии описывавшей «Хэфа» как «первоклассного сутенера»⁶.)

На обложке одетая Монро манила читателей обещанием своего «ПОЛНОЦВЕТНОГО» обнаженного фото «впервые на страницах журналов». Позже Хефнер говорил, что ее разворот был главной причиной первоначального успеха издания. Монро же была унижена фотосъемкой, на которую она согласилась исключительно из-за отчаянной нужды в деньгах, подписав договор вымышленным именем⁷. Хефнер не заплатил ей за использование изображений и даже не попросил ее согласия на публикацию⁸. Монро жаловалась друзьям, что ей «ни разу даже спасибо не сказали те, кто заработал миллионы на обнаженных фотографиях Мэрилин. И на себя в журнале я смогла посмотреть, только когда купила экземпляр на свои деньги»⁹.

Судьбы двух этих людей – образцовый пример того, как именно повлияла сексуальная революция на жизни мужчин и женщин. И Монро, и Хефнер пришли от безвестности к богат-

² Gianluca Mezzofiore, 'No, that viral picture doesn't show Hugh Hefner lighting a cigarette for Marilyn Monroe', 28 сентября 2017, <https://mashable.com/2017/09/28/marilyn-monroe-hugh-hefner-fake-picture-playboy/?europa=true>.

³ Jack Shepherd, 'Hugh Hefner dead: Playboy founder is being buried next to Marilyn Monroe', 28 сентября 2017, www.independent.co.uk/arts-entertainment/films/news.

⁴ Jeff Gottlieb, 'For sale: eternity with Marilyn Monroe', 14 августа 2009, www.latimes.com/archives/la-xpm-2009-aug-14-me-marilyn14-story.html.

⁵ Brad Witter, 'Marilyn Monroe didn't actually pose for the first issue of Playboy', 8 сентября 2020, www.biography.com/news/marilyn-monroe-playboy-first-issue-didnt-pose.

⁶ Scott Johnson, 4 октября 2017, www.hollywoodreporter.com/news/playboys-first-black-playmate-reflects-hugh-hefners-legacy-1045838.

⁷ Witter, 'Marilyn Monroe didn't actually pose'.

⁸ 'Hugh Hefner will be buried next to Marilyn Monroe', 29 сентября 2017, www.telegraph.co.uk/films/2017/09/29/hugh-hefner-buried-next-marilyn-monroe-fans-not-happy/.

⁹ Megan C. Hills, 'How Hugh Hefner built an entire empire without Marilyn Monroe's consent', 29 сентября 2017, www.marieclaire.co.uk/news/celebrity-news/hugh-hefner-marilyn-monroe-541688.

ству и славе, добившись успеха в одном и том же городе, в одну и ту же эпоху. Но если Хефнер прожил долгую грязную жизнь в личном особняке со своими «подружками», жизнь Монро резко оборвалась из-за многочисленных несчастий и злоупотребления наркотиками и алкоголем. Как позднее писала радикальная феминистка Андреа Дворкин:

Она скалилась, она позировала, она притворялась, она вступала в связи с известными и влиятельными мужчинами. Ее приятельница утверждала, что она перенесла так много нелегальных, неудачно произведенных аборт, что ее репродуктивные органы были серьезно повреждены. Она умерла в одиночестве, должно быть, впервые в жизни играя по своему собственному сценарию... По сути, ее любовники – как реальные, так и воображающие себя таковыми, – затрахали ее до смерти, и ее очевидное самоубийство немедленно стало как обвинением, так и ответом: нет, Мэрилин Монро, идеальной сексуальной женщине, это не нравилось¹⁰.

Монро даже не была первой в этом ряду. Она шла по стопам Бетти Пэйдж, своей пин-ап-предшественницы. И, хотя Пэйдж дожила до старости, свои последние десятилетия она провела в психиатрической больнице. Бритни Спирс и лечебницы – та же история. «Детка, звякни мне еще разок», – умоляла зрителей шестнадцатилетняя Бритни, отплясывая в школьной униформе. Сегодня за ее плечами затаенный нервный срыв, ставший достоянием широкой общест-венности. Подобная участь постигла бесчисленное множество других Монро – с некоторыми из них мы познакомимся в этой книге. Их жизни были разрушены по аналогичному сценарию.

В частности, сегодняшние порноактрисы – самые популярные из которых обитают примерно в том же культурном пространстве, что и Монро в свое время, – с гораздо большей вероятностью, чем их сверстницы, в детстве подвергались сексуальному насилию. Они чаще росли в приемных семьях и чаще становились жертвами домашнего насилия во взрослом воз-расте¹¹ – проходя через те же несчастья, что и Монро¹². Похотливая публика многого требует от женщин, которые приводят ее в возбуждение. А когда все катится к чертям, как это обычно бывает, эти некогда желанные женщины объявляются чокнутыми – что, разумеется, никого не волнует, ведь на их место обязательно придет кто-то еще. И все эти последствия сексуаль-ного освобождения для женщин, наиболее покорно следующих его предписаниям, каждый раз остаются за кадром.

Для мужчин же типичным было «сексуальное освобождение» по примеру Хью Хефнера – совершенно иное по сравнению с опытом Монро. Однако его пример не в большей степени заслуживает подражания. В молодости он был настоящим плейбоем – красивым, обаятель-ным, вызывающим зависть. Его жизнь напоминала мечту скороспелого подростка. Он устраивал вечеринки для своих знаменитых друзей в своей кичливой «пещерке»¹³, а затем уединился наверху с гаремом из двадцати с чем-то-там одинаковых блондинок. Однажды он якобы ска-зал, что слова «Привет, меня зовут Хью Хефнер» были его лучшей пикап-фразой¹⁴.

В отличие от Монро, Хефнер дожил до глубокой старости, в которой, однако, от его бывшего блеска почти ничего не осталось. К концу жизни его все чаще публично выставляли ничтожеством, а бывшие модели журнала кормили прессу нелестными отчетами о его жизни в

¹⁰ Andrea Dworkin, *Right-Wing Women*. New York: Perigee Books, [1978] 1983, p. 18.

¹¹ Corita Grudzen, Daniella Meeker, Jacqueline Torres et al., 'Comparison of the mental health of female adult film performers and other young women in California', *Psychiatric Services* 62 (2011): 639–45.

¹² Sam Kashner, 'Marilyn and her monsters', 5 октября 2010, www.vanityfair.com/culture/2010/11/marilyn-monroe-201011.

¹³ Локация в особняке «Плейбоя» – искусственная пещера с джакузи и водопадом, где для гостей Хефнера устраивались романтические свидания. – *Прим. пер.*

¹⁴ 'Hugh Hefner quotes', 28 сентября 2017, <https://heavy.com/entertainment/2017/09/hugh-hefner-quotes-on-life-death-playboy-is-alive-dead/>.

особняке «Плейбоя». К примеру, Джилл Энн Сполдинг писала об унылых сексуальных спектаклях престарелого Хефнера: «Хеф просто лежал там со своей бутафорской эрекцией от Виагры. Девочки по очереди залезали на него на пару минут, пока остальные на заднем плане пытались привести его в возбуждение. Они могли кричать что-то вроде: “Трахни ее, папочка, трахни ее!”»¹⁵.

Другие женщины рассказывали о грязных матрасах, о нелепых, сделанных под копирку розовых фланелевых пижамах – униформе для моделей, – о коврах, покрытых собачьими фекалиями¹⁶. Стало известно, что отношение Хефнера к его многочисленным подружкам строилось на принуждении и было похоже на какую-то одержимость: он диктовал им, какие носить прически и макияж, вел подробный журнал всех своих сексуальных контактов¹⁷ и приходил в ярость, когда ему отказывали¹⁸. Хефа прощали, когда он был молод и привлекателен, но прошло время, и вот он уже всего лишь грязный старик. Как оказалось, гламур плейбоя – или, говоря современным сленгом, факбоя – не длится вечно.

Но, хотя репутация Хефнера со временем, может быть, и ухудшилась, он никогда не чувствовал вины за причиненный вред. На вопрос «Нью-Йорк таймс» о том, сожалеет ли он о каких-либо «темных последствиях» начатой им плейбой-революции, восьмидесятитрехлетний Хефнер отвечал с чувством абсолютной уверенности в своей невинности: «небольшая цена за личную свободу»¹⁹. Разумеется, под этим он имел в виду личную свободу для таких мужчин, как он.

После смерти Хефнера в 2017 году его не раз называли «неоднозначной фигурой». В «Хаффингтон пост» писали о его «сложном феминистском наследии»²⁰, а в Би-би-си задались вопросом: «Была ли плейбой-революция благом для женщин?»²¹. Один британский журналист утверждал, что Хефнер определенно помог феминизму:

[Хефнер] занимал очень прогрессивную позицию в отношении противозачаточных таблеток и права на аборт. Его журнал часто освещал эти темы. Хефнер держал читателей в курсе проблем, с которыми сталкиваются женщины, ведущие свою борьбу. К 1973 году, когда аборты были легализованы, в «Плейбое» было опубликовано не менее 30 различных комментариев по делу «Роу против Уэйда»²² и множество статей, написанных врачами²³.

Ни один из этих почитателей Хефнера, похоже, не понимал, что его стремление отделить деторождение от секса не имеет ничего общего с самоотверженной заботой о благополучии женщин. Хефнер никогда ни за что не агитировал, если это не приносило ему прямой выгоды.

¹⁵ Olivia Bahou, 11 июня 2015, www.cosmopolitan.com/sex-love/news/a41845/worst-things-playmates-said-about-playboy-mansion/.

¹⁶ Olivia Bahou, 11 июня 2015, www.cosmopolitan.com/sex-love/news/a41845/worst-things-playmates-said-about-playboy-mansion/.

¹⁷ Sharon Waxman, 28 сентября 2017, www.thewrap.com/hugh-hefner-legacy-no-feminist-hero/.

¹⁸ Graeme Culliford, ‘Sickening pimp secret’, 2 октября 2017, www.thesun.co.uk/news/4585472/brit-model-lured-girls-to-the-playboy-mansion-to-have-orgies-with-hugh-hefner/.

¹⁹ Brooks Barnes, ‘The loin in winter’, 23 октября 2009, www.nytimes.com/2009/10/24/business/media/24hefner.html?pagewanted=2&sq=hefner&st=cse&scp=1.

²⁰ Emma Gray, ‘The contradictory feminist legacy of Playboy’s Hugh Hefner’, 29 сентября 2017, www.huffingtonpost.co.uk/entry/playboy-hugh-hefner-feminist-contradiction_n_59cd07c4e4b0210dfdfc822d?ri18n=true.

²¹ Nalina Eggert, ‘Hugh Hefner death: was the Playboy revolution good for women?’, 28 сентября 2017, www.bbc.co.uk/news/world-us-canada-41426299.

²² Решение Верховного суда США по делу «Роу против Уэйда» в январе 1973 года признало за женщинами конституционное право на аборт. – *Прим. пер.*

²³ Pascale Day, ‘Opinion’, 28 сентября 2017, <https://metro.co.uk/2017/09/28/hugh-hefner-might-have-been-a-sleaze-but-playboy-helped-push-feminism-forwards-6963213/?ito=cbshare>.

Страх перед беременностью оставался для женщин одним из последних поводов сказать «нет», так что у Хефнера были все основания желать перемен, которые расширили бы круг доступных для него женщин.

И все это время тело Мэрилин Монро снова и снова выскабливали подпольные акушеры – она умерла почти за десять лет до того, как противозачаточные таблетки стали доступны незамужним женщинам во всех американских штатах. Журнал «Плейбой» двадцать лет существовал в стране, где аборт не были легализованы. Сексуальная революция началась в обновленном обществе, прошедшем через ужасы Второй мировой войны, – в обществе нового изобилия. Но на ее женщин-первопроходцев все равно было возложено бремя бесконечных внебрачных детей и бесчисленных неудачных аборт. В фильме 1966 года «Элфи» великолепный молодой Майкл Кейн прыгает из одной лондонской постели в другую, наслаждаясь либертинским образом жизни, обещанным свингующими шестидесятыми. Но его действия не остаются без последствий, и в эмоциональной кульминации фильма Элфи рыдает над ужасным продуктом подпольного аборта, который он устроил для одной из своих «птичек».

История сексуальной революции – это не только история женщин, освободившихся от бремени целомудрия и материнства, хотя это тоже верно. Это также история триумфа плейбоя – фигуры, которую слишком часто одновременно забывают и прощают, несмотря на его центральную роль в этой все еще недавней истории. Феминистки второй волны были правы, утверждая, что женщинам нужны противозачаточные средства и легальные аборт, чтобы получить контроль над своей репродуктивной жизнью. Появление этих технологий было хорошей и необходимой инновацией, поскольку они освободили столь многих женщин от разрушительных нежеланных родов. Но такие, как Хефнер, тоже ждали появления этих технологий и нуждались в них – они хотели освободить собственное либидо, делая вид, что занимаются освобождением женщин.

Что не так с сексуальным либерализмом

В «Антигоне» Софокла – пьесе, уделяющей особое внимание теме долга и страданий женщины, – хор поет, что «ничто большое не входит в жизнь смертных без проклятия». Влияние противозачаточных таблеток на общество было огромным, и даже теперь, спустя два поколения, мы все еще не до конца осознали ни их благодать, ни их проклятие. В истории человечества было немало периодов смягчения сексуальных норм. Наиболее известные случаи – поздняя Римская империя, георгианская Британия и «бурные двадцатые» в Америке. Однако эти фазы распушенности были ограничены отсутствием хороших противозачаточных средств, в силу чего гетеросексуальные мужчины в поисках внебрачного секса в основном были вынуждены довольствоваться либо проститутками, либо немногочисленными чудачками, готовыми пойти на риск пожизненного изгнания из уважаемого общества. Например, участники Блумсберийского кружка, которые, как известно, «lived in squares and loved in triangles»²⁴, вступали в многочисленные тайные сексуальные контакты, результатом чего было множество незаконнорожденных детей, и были спасены от нищеты только благодаря привилегиям своего класса.

Но сексуальная революция 1960-х – в отличие от своих предшественниц – не сошла на нет. Напротив, мы до сих пор живем в пространстве ее идеологии. Более того, эта идеология до такой степени превратилась в норму, что сегодня мы едва можем ее различить. Но как же она смогла выдержать испытание временем? Дело в том, что вместе с ней впервые в мировой истории были изобретены надежные средства контрацепции и, в частности, формы контрацепции, которые были доступны для самостоятельного использования женщинами: противозачаточные таблетки, вагинальные диафрагмы, а также последующие технологические усовершенствования, такие как внутриматочная спираль (ВМС). Таким образом, в конце 1960-х возникло невиданное живое существо: фертильная молодая женщина, репродуктивные возможности которой фактически заморожены. И это изменило все.

Данная книга представляет собой попытку отдать отчет в этих изменениях, избегая как либеральных объяснений, очарованных прогрессом, так и консервативных, провозглашающих новый упадок общества. Я не думаю, что последние шестьдесят лет следует понимать исключительно как период прогресса или как период деградации. Сексуальная революция не освободила всех нас, но она освободила некоторых из нас – выборочно и за определенную цену. Это именно то, чего мы должны ожидать от любой формы «больших» социальных изменений, и сексуальная революция, безусловно, является таковой. И, хотя моя работа направлена в том числе против консервативного нарратива об эпохе после 1960-х, и в особенности против тех консерваторов, которые достаточно глупы, чтобы думать, что возвращение в 1950-е возможно или желательно, основной целью моей критики является либеральный нарратив о сексуальном освобождении, который я считаю не только ложным, но и вредным.

Мое недовольство адресуется в большей степени либералам, чем консерваторам, по очень личной причине – раньше я сама верила либеральному нарративу. Будучи молодой девушкой, я придерживалась тех же политических взглядов, что и большинство других горожан-миллениалов, окончивших университеты на Западе. Другими словами, я соответствовала убеждениям своего класса, включая либеральные феминистские идеи о порнографии, БДСМ, культуре свободных отношений, эволюционной психологии и торговле сексуальными услугами – эти темы будут рассмотрены в данной книге. Мой собственный жизненный опыт заста-

²⁴ Непереводимая на русский язык игра слов. Буквально «жили на площадях, а любили в треугольниках». «Square» – одновременно квадрат и площадь/сквер. Первая часть фразы отсылает к тому, что члены группы проживали близ площадей в центральной части Лондона, вторая – к образу их половой жизни, о чем пишет Перри. – *Прим. пер.*

вил меня отказаться от этих убеждений, включая период сразу после окончания университета, когда я работала в кризисном центре для жертв изнасилований. Если старая шутка говорит нам, что «консерватор – это просто либерал, которого поимела реальность», то я полагаю, что, по крайней мере в моем случае, «постлиберальная феминистка – это просто либеральная феминистка, которая своими глазами увидела реальность мужского насилия».

Термин «либеральный феминизм» не является самоназванием соответствующего направления феминизма. Обычно его сторонники называют себя «интерсекциональными феминистками». Тем не менее я не думаю, что их идеология действительно является интерсекциональной (если исходить из первоначального смысла этого слова у Кимберли Креншоу), поскольку она должным образом не включает в себя анализ других форм социальной стратификации, особенно анализ экономического класса. Преимущество использования термина «либеральный феминизм» состоит в том, что он помещает идеи двадцать первого века в русло более длительной интеллектуальной истории, позволяя увидеть, что в лице либерального феминизма мы имеем дело с итерацией гораздо более грандиозного интеллектуального проекта: либерализма.

Что касается определения «либерализма», то это дискуссионный вопрос. Так, первая строка статьи в Стэнфордской энциклопедии философии гласит, что «не существует какого-то одного либерализма». Это означает, что какое бы определение я для себя ни выбрала, все равно найдутся недовольные критики. Но поскольку я не хочу утомлять читателей многословной защитой моего рабочего определения, я обойдусь несколькими замечаниями.

Я очень далека от того, чтобы использовать слово «либерал» как сокращение от «левого крыла». Американский постлиберальный политический теоретик Патрик Денин указывает на тесную связь экономического и социального либерализма. Либеральная культурная элита и либеральная корпоративная элита работают рука об руку: «Сегодняшняя корпоративная идеология имеет сильное сходство с образом жизни тех, чьими приоритетами являются мобильность, этическая гибкость, либерализм (будь то экономический или социальный), потребительский менталитет, в котором выбор имеет первостепенное значение, и “прогрессивное” мировоззрение, в котором быстрые изменения и “созидательное разрушение” являются единственным основанием для уверенности»²⁵.

Постлибералы, такие как Денин, обращают внимание на издержки социального либерализма – политического проекта, который стремится освободить людей от внешних ограничений, налагаемых местожительством, семьей, религией, традицией и даже (что наиболее важно для феминисток) человеческим телом. В этом смысле постлибералы согласны со многими социальными консерваторами. Однако помимо этого они критически относятся к другой стороне либеральной медали – идеологии свободного рынка, которая стремится освободить людей от всех этих ограничений, чтобы максимизировать их способность работать и потреблять. Атомизированный работник, не привязанный к какому-либо месту или людям, великолепно справляется с тем, чтобы быстро реагировать на требования рынка. Этот идеальный либеральный субъект способен ехать куда угодно, где можно заработать, потому что его ничего не держит на одном месте; он может выполнять любую работу, которую от него попросят, без каких-либо моральных возражений, проистекающих из веры или традиции; в отсутствие супруга или семьи, о которых нужно заботиться, ему незачем требовать дни отдыха или гибкий график. И тогда на деньги, заработанные лишенным всякой укорененности трудом, он сможет прикупить себе какую-нибудь новую вещь, которая заглушит любое ощущение несчастья, тем самым подпитывая экономический двигатель с максимальной эффективностью.

Либеральный феминизм принимает эту рыночно ориентированную идеологию и изменяет ее к специфически женским проблемам. Например, когда в 2017 году актрису и

²⁵ Patrick J. Deneen, июнь 2015, www.firstthings.com/article/2015/06/the-power-elite.

активистку Эмму Уотсон раскритиковали за то, что ее обнаженная грудь появилась на обложке «Вэни фэйр», она отбивалась, повторяя заезженную фразу либеральных феминисток: «Феминизм заключается в том, чтобы дать женщинам выбор... Речь идет о свободе»²⁶. Для либеральных феминисток вроде Уотсон это может означать свободу носить откровенную одежду (и в процессе продавать множество журналов), свободу торговать сексуальными услугами, снимать или смотреть порно или же строить любую другую карьеру на свой вкус, как это делают мужчины.

При наличии правильных инструментов свобода от ограничений, налагаемых женским телом, становится все более возможной. Не хотите иметь детей в двадцать или тридцать лет? Заморозьте яйцеклетки. Вызвали в командировку после родов? Отправьте грудное молоко для своего малыша по почте. Хотите продолжать работать полный рабочий день без перерыва? Наймите няню с проживанием или, что еще лучше, суррогатную мать, которая сможет выносить ребенка вместо вас. А теперь, когда появились медицинские технологии по смене пола, стало возможным и вовсе покинуть женское тело. Либеральный феминизм обещает женщинам свободу, а когда это обещание сталкивается с жесткими ограничениями, налагаемыми биологией, эта идеология направляет женщин на устранение этих ограничений с помощью денег, технологий и тел более бедных людей.

Я не отвергаю стремление к свободе – я не сторонница антилиберализма. Ей-богу, у женщин есть все основания испытывать раздражение по поводу ограничений, налагаемых на нас нашим обществом и нашим телом, – как в прежние времена, так и в современном мире. Но я критически отношусь к любой идеологии, которая не способна достичь баланса между свободой и другими ценностями. Кроме того, я критически отношусь к неспособности либерального феминизма задаться вопросом, откуда происходит наше стремление к определенному типу свободы, а именно к свободе выбора, слишком часто вращающейся в порочном логическом кругу, согласно которому выбор женщины хорош, поскольку она его выбирает (подобно тому как Шарлотта Йорк из «Секса в большом городе» вопит: «Я выбираю свой выбор, я выбираю свой выбор!»).

В этой книге я намереваюсь задать некоторые вопросы о свободе, на которые либеральный феминизм не может или не хочет отвечать (и попытаюсь ответить на них). Почему так много женщин желают сексуальной свободы, которая столь явно служит интересам мужчин? Что, если наши тела и разум не так пластичны, как нам хотелось бы думать? Что мы теряем, когда ставим свободу превыше всего? И, самое главное, как нам следует действовать в связи со всем этим?

Некоторые из моих выводов могут не обрадовать, поскольку они касаются жестких ограничений нашей свободы, которые невозможно преодолеть, как бы мы ни старались. Моей отправной точкой будет позиция, которая исторически часто была источником дискомфорта для феминисток всех идеологических убеждений: я принимаю тот факт, что мужчины и женщины – разные, и что эти различия невозможно обойти. И если мы признаем эти границы и эти различия, наша сексуальная политика примет направление, отличное от сегодняшнего мейнстрима. Вместо того чтобы спрашивать: «как мы все можем быть свободными?», мы должны спросить: «как мы можем наилучшим образом содействовать благополучию как мужчин, так и женщин, учитывая, что эти две группы имеют разные интересы, которые иногда противоречат друг другу?»

²⁶ См.: www.theguardian.com/film/2017/mar/05/emma-watson-vanity-fair-cover-feminism.

Сексуальное расколдовывание

В этой книге я намереваюсь доказать, что западная сексуальная культура двадцать первого века далека от того, чтобы должным образом уравнивать эти интересы. Вместо этого она продвигает интересы Хью Хефнеров со всего света, а платить за это должны женщины вроде Мэрилин Монро. При этом в силу влияния либерального феминизма слишком многие женщины не осознают эту истину, беспечно принимая за чистую монету заявление Хефнера о том, что все недостатки новой сексуальной культуры – всего лишь «небольшая цена за личную свободу».

Этот расклад очень подходит людям наподобие Хефнера: новая сексуальная культура играет на руку таким плейбоям. В их интересах продвигать особенно радикальные представления о сексе, возникшие в результате сексуальной революции и оказавшиеся чрезвычайно влиятельными, несмотря на их вред. Согласно этим представлениям, секс – не что иное, как форма досуга, наделенная особым значением только в том случае, если так решили партнеры. Сторонники такого взгляда утверждают, что секс сам по себе не является чем-то уникальным, что он по своей сути не отличается от любого другого вида социального взаимодействия и что поэтому его можно без каких-либо проблем превратить в товар. Социолог Макс Вебер говорил о «расколдовывании» мира природы, которое произошло в результате Просвещения. Господство рациональности не оставило места для магического восприятия мира, которое было присуще обитателям «зачарованного сада» в эпоху, предшествующую модерну. Примерно так же произошло расколдовывание секса²⁷ на Западе после 1960-х годов, оставив нам общество, которое (якобы) считает, что секс не имеет какого-то особого значения.

Сексуальное расколдовывание является естественным следствием либерального превознесения свободы над всеми другими ценностями. Если вы хотите быть полностью свободным, то ваша мишень – любые ограничивающие вас социальные ограничения, и особенно вера в то, что секс обладает какой-то уникальной, неуловимой ценностью, чем-то таким, что с трудом поддается рационализации. Кроме того, из этой веры в исключительность секса проистекает множество потенциально нежелательных явлений, включая патриархальные религиозные системы. Однако когда мы пытаемся расколдовать секс и, таким образом, стремимся убедить себя, что данный конкретный половой акт не является ни исключительно прекрасным, ни однозначно насильственным, тогда возникают издержки совсем другого рода.

По биологическим причинам, к которым я вернусь в следующей главе, эти издержки непропорционально ложатся на плечи женщин. Либеральные феминистки, как кажется, тоже признают это, о чем свидетельствует популярность движения MeToo, которое не на шутку развернулось в 2017 году. Это излияние гнева и стенаний было свидетельством того, что нынешняя сексуальная культура не устраивает женщин. Истории, вышедшие из MeToo, сообщали о многих однозначно преступных поступках. Но помимо этого многие женщины рассказали о сексуальных контактах, которые технически состоялись по обоюдному согласию и, тем не менее, вызвали у них ужасные чувства, поскольку их принуждали не придавать смысл тому, что, на их взгляд, имело смысл. Секс с боссом как условие продвижения по службе... Свидание, на котором от женщины ожидается, что она «вернет должок», когда мужчина заплатит за ужин... В обоих случаях мужчины охотно принимают принцип сексуального расколдовывания, рассматривая секс как ничего не значащий продукт для свободного рыночного обмена («Ты мне отсасываешь, я даю тебе товар эквивалентной стоимости»). Вот, например, что одна студентка написала о сексуальной связи со своим сверстником:

²⁷ За введение термина «сексуальное расколдовывание» нужно сказать спасибо Аарону Сибариуму. См. <https://americancompass.org/the-commons/three-theses-about-cuties/>.

Он скользнул внутрь меня, а я ничего не сказала. Сама не знаю почему. Может быть, я не хотела думать о том, что, возможно, сама его соблазнила. Может быть, я не хотела его разочаровывать. Может быть, я просто не хотела играть в словесное перетягивание каната типа «– Давай сделаем это! – Но нет, мы не должны...», как это часто бывает перед тем, как переспать с кем-то. Было проще просто сделать это. Кроме того, мы уже были в постели, а это то, чем занимаются люди в постели. Я чувствовала обязательство, что я должна пройти через это. Я чувствовала себя виноватой за то, что не хотела этого. Я не была девственницей. Это не мой первый раз. Это не должно было иметь большого значения – это всего лишь секс, – поэтому я не хотела делать из этого проблему²⁸.

Фраза «это всего лишь секс» превосходно резюмирует идею сексуального расколдовывания. Эта девушка не была избита, она не забеременела, и в действительности ей даже нравился молодой человек, с которым она занималась сексом, по крайней мере поначалу. Так почему же она восприняла этот сексуальный контакт как нечто важное? Потому что идея сексуального расколдовывания на самом деле не соответствует действительности, и мы все знаем об этом – включая либеральных феминисток, которые тратят так много сил, чтобы доказать, к примеру, что «секс-работа – это тоже работа». Ведь когда стало известно, что Харви Вайнштейн предлагал женщинам карьерные возможности в обмен на сексуальные услуги, те же самые либеральные феминистки немедленно осудили его – не только за принуждение и угрозы, которые он использовал в ходе совершения своих преступлений, но прежде всего за то, что он требовал от своих работниц заниматься с ним сексом.

Таким образом, движение MeToo показало, что интуитивно люди понимают, что просить у работника заняться сексом с боссом – совсем не то же самое, что просить его поработать сверхурочно или сварить кофе. В прошлом я неоднократно готовила кофе для моих работодателей, несмотря на то что приготовление кофе не входило в мои должностные обязанности, и я уверена, что большинство читателей сделали бы то же самое. И хотя иногда такая просьба может раздражать, ни один работник, который готовит кофе для своего босса, не будет опасаться того, что в результате он попадет в зависимость от наркотиков или алкоголя. Или того, что он забеременеет или заразится болезнью, вызывающей бесплодие. Или что он пострадает от посттравматического стрессового расстройства или другого психического заболевания. Что он навсегда станет неспособным иметь здоровые интимные отношения. Всем известно, что заниматься сексом – это не то же самое, что варить кофе, и, когда идеология сексуального расколдовывания требует, чтобы мы делали вид, что это не так, результатом может стать болезненная форма когнитивного диссонанса.

И этот диссонанс не может быть преодолен средствами, которые есть в арсенале либеральных феминисток. Например, в разгар MeToo Джессика Валенти из «Гардиан» писала о сексуальном насилии, которое по закону не считается изнасилованием: «Это правда, что женщины сыты по горло сексуальным насилием и домогательствами. Но верно и то, что в этой культуре “нормальным” считается сексуальное поведение, которое часто является вредным для женщин, и мы также хотим положить этому конец»²⁹. Однако антология либерально-феминистских эссе на тему MeToo, подготовленная Валенти и опубликованная в 2020 году, демонстрирует неспособность либерального феминизма должным образом работать с поставленной проблемой³⁰. Все авторы сборника хотят, чтобы сексуальное насилие прекратилось, и это можно только при-

²⁸ См.: <https://medium.com/@totalsratmove?p=2194a96bdbb6>.

²⁹ Jessica Valenti, '#MeToo is about more than stopping rape', январь 2018, www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/31/me-too-we-demand-more-jessica-valenti.

³⁰ Jessica Valenti and Jaclyn Friedman, *Believe Me: How Trusting Women Can Change the World*. New York: Basic Books.

ветствовать. Но в то же время они проявляют нерешительность в вопросе использования государственной власти для ареста насильников и их заключения в тюрьму. Также они отказываются требовать от женщин изменить свое поведение, чтобы предотвратить встречу с опасными мужчинами – даже упоминание этой возможности рассматривается ими как «перекладывание вины на жертву».

Вместо того чтобы предложить альтернативы – может быть, сойдет самосуд? – авторы вообще избегают работы со сложными вопросами, ограничиваясь беззубыми идеями вроде помощи мужчинам в преодолении «неуверенности в своей мужественности» (Тахир Дакетт) или создания общественных пространств, в которых преступники могут найти «исцеление и справедливость» (Сара Дир и Бонни Клермонт). Авторы вроде активистки Андреа Линн Пино-Сильвы пишут о необходимости «всерьез говорить о прекращении сексуального насилия», но не предлагают ничего более конкретного, чем образовательные воркшопы в университетских кампусах, которые, помимо других их заслуг, «прославляют квирность и расширяют ее права и возможности». Пино-Сильва полагает, что такие воркшопы не сработают, если они не займутся всеми формами угнетения, которые только существуют на свете – от колониализма до бифобии. Что касается меня, то я не верю, что эти воркшопы вообще будут работать, так что, думаю, это пункт, относительно которого мы можем прийти к согласию.

Некоторые авторы не только отвергают идеи, которые могли бы каким-то образом продвинуть нас в решении проблемы сексуального насилия, но и выступают с предложениями, которые только усугубят ее. Сассафрас Лоури призывает переживших изнасилование женщин искать сексуальных партнеров со склонностью к насилию в БДСМ-сообществах, тогда как Тина Хорн представляет проституцию как благодатный карьерный путь для молодых женщин. Это – центральный принцип либерального феминизма, доведенный до его логического завершения: женщина должна иметь возможность делать все, что ей нравится, будь то торговля своим телом или добровольное подвержение себя насилию. Как может быть иначе, если все ее желания и ее выбор с необходимостью хороши, независимо от того, откуда они исходят и куда ведут? А если из следования этому принципу выходит что-то плохое, то мы возвращаемся к единственному решению, которое может предложить либеральный феминизм: «учить мужчин не насиловать женщин».

Но могут ли либеральные феминистки посоветовать что-то помимо этого? Они совершили ошибку, купившись на идеологию, которая всегда служила людям вроде Хью Хефнера и унаследовавшего его дело Харви Вайнштейна. Эта идеология внушает им ложное убеждение, что женщины все еще страдают исключительно потому, что проект сексуального освобождения 1960-х годов не был завершен, а вовсе не потому, что с ним с самого начала было что-то не так. Таким образом, в качестве рецепта они предлагают еще больше свободы и постоянно недоумевают, почему их лекарство не работает.

Этот факт становится очевидным, когда мы смотрим на университетский кампус двадцать первого века, где громче всего проповедуется евангелие сексуального освобождения и где БДСМ-сообщества³¹ и «Недели секса»³² стали новой нормальностью³³. В начале семестра первокурсникам читают лекцию о важности согласия и отправляют в добрый путь с бейджами «Согласен от всего сердца». Их учат очень простому правилу: по взаимному согласию можно все. И это простое правило нарушается снова и снова – как через изнасилование, так и через более тонкие формы принуждения, о которых так много женщин рассказывали во время MeToo. Немногие либеральные феминистки готовы провести связь между культурой сексуаль-

³¹ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_universities_with_BDSM_clubs.

³² См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Sex_Week_at_Yale.

³³ Allie Grasgreen, 'Fifty shades of crimson', 5 декабря 2012, www.insidehighered.com/news/2012/12/05/kink-clubs-harvards-well-established-healthy-students.

ного гедонизма, которую они продвигают, и опасениями по поводу изнасилований в университетских кампусах, хотя эти явления возникли в одно и то же время.

Если бы они это сделали, то, вероятно, были бы вынуждены признать свою вину за ситуации, в которых не вполне трезвые молодые девушки оказываются наедине с похотливыми мужчинами, которые – мало того, что они больше и сильнее своих ровесниц, – скорее всего, были воспитаны на порно, нормализующем агрессию, принуждение и боль. Но в либеральных феминистских кругах нельзя говорить о пагубном влиянии онлайн-порнографии, БДСМ, культуры свободных отношений и любых других элементов нашей новой сексуальной культуры, поскольку это означало бы подвергнуть сомнению доктрину сексуальной свободы. Таким образом, молодые девушки вынуждены на своем собственном опыте учиться тому, что свобода имеет свою цену. И каждый раз этот опыт оказывается горьким.

Хронологический снобизм

Поначалу я рассматривала эту книгу как стандартный образец культурного анализа, но, когда я взялась за работу, то поняла, что мне нужно пойти дальше. Было недостаточно просто указать на проблемы, связанные с нашей новой сексуальной культурой, и остановиться на этом – мне нужно было предложить читателям действенное руководство к жизни. Советы относительно секса слишком часто тривиализируют, запихивая их на последние страницы журнала, а феминистские аргументы по поводу сексуальной культуры отвергают как девичьи склоки. Однако наша тема касается не только самых важных отношений в жизни большинства людей, но и продолжения нашего вида. Поэтому, выбирая название для этой главы, я думала не только о проблеме сексуального расколдовывания, но и о своей роли колумниста-советчика, к которой редко относятся так серьезно, как следовало бы. Серьезно нужно относиться не только к тому, как мы занимаемся сексом, но и к тому, как мы говорим о нем. Это серьезная проблема.

Советы, которые я предлагаю, относятся почти исключительно к гетеросексуалам, и в особенности к гетеросексуальным женщинам, поскольку предметом этой книги является влияние сексуальной революции на отношения между полами. Ни один из моих советов не является новаторским: любой, кто достаточно долго прожил в этом мире, учась на своих ошибках, должен быть в состоянии собрать свой набор правил, который будет очень похож на мой. И хотя большинству читателей постарше многие мои советы покажутся простым выражением здравого смысла, мой опыт общения тет-а-тет с мужчинами и женщинами моложе тридцати показывает, что все это настолько шокирует, что у человека может отвиснуть челюсть (несколько раз все буквально так и было).

Вероятно, если бы мне сказали то же самое десять лет назад, когда я была молодой неопытной девушкой, я была бы шокирована не меньше. Как это обычно бывает с подростками, я наивно считала, что понимаю жизнь лучше всех, и осознала свою ошибку только спустя годы – на собственном горьком опыте и наблюдая, как мои друзья проходят через то же самое. Это не вина моих родителей или других взрослых, участвовавших в моей жизни, вовсе нет. И я никак не выделялась на фоне моих сверстников. Однако я выросла в либеральной среде, которая слишком сильно полагалась на упрощенный нарратив об историческом «прогессе». Проблема этого нарратива в том, что он побуждает нас игнорировать как дельные советы людей старшего поколения, так и тот факт, что со временем жизнь не обязательно становится только лучше. К. С. Льюис придумал фразу «хронологический снобизм», чтобы описать «некритическое восприятие интеллектуального климата нашего времени, а также принятие допущения, что все, что вышло из моды, самим этим фактом себя дискредитировало»³⁴.

Либералы двадцать первого века, проявляющие такого рода снобизм, отвергают людей старшего возраста не только как глупых и неинтересных, но и (что гораздо хуже) как «проблемных». В то время как в большинстве культур пожилые люди считаются источниками мудрости и в силу этого пользуются особым уважением, на современном Западе к ним чаще относятся с пренебрежением и снисходительностью. Их запирают в домах престарелых, полагая, что от них нет никакого толку.

В конце каждого года либеральные издания обрушивают на молодых людей лавину советов, как лучше всего противостоять сомнительным мнениям, высказанным их старшими родственниками за обедом в День Благодарения или за рождественским ужином («Вы обязаны бросить вызов вашим узколобым родственникам на праздниках», – советовал журнал *Teen Vogue* в 2019 году). Фетишизация молодости в нашей культуре породила у нас ложное представление о том, что, несмотря на очевидный недостаток опыта, именно молодежь должна

³⁴ C. S. Lewis, *Surprised by Joy*. London: HarperCollins, 2012.

заниматься моральным воспитанием людей старшего поколения, а не наоборот. Если вам за сорок, будьте уверены: «проблемный» колокол звонит и по вам. С 2018 года регулярно появляются статьи о «гомофобии, сексизме и фэтшейминге» в ситкоме «Друзья», что якобы доказывает необходимость постоянного обновления в соответствии с моделью прогресса³⁵. Когда популярная культура, возникшая меньше тридцати лет назад, уже отбракована как неприемлемая, могут ли люди, которым уже за тридцать, надеяться идти в ногу со временем? Нет, не могут, и в этом весь смысл данной модели. Она требует, чтобы мы их отвергли.

На наших глазах произошел внезапный разрыв с нормами прошлого. Его необходимость постоянно оправдывается в либеральных СМИ ссылками на «старые недобрые времена». Этот «презентоцентризм» прекрасно пародируется в телеадаптации 2020 года романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», в которой «Дикие земли» – в романе больше похожие на индейскую резервацию – переосмысляются как тематический парк, посвященный упадку Америки двадцать первого века. Посетители из Нью-Лондона двадцать шестого века gazeют на «исправительный дом» (тюрьму) и «дом единоженства» (церковь) из окон туристического автобуса, после чего наблюдают реконструкцию якобы самого важного события в календаре дикарей – «ежегодного черного дня» (черной пятницы), когда покупатели готовы порвать друг друга на куски в жажде выгодных покупок.

Гид оживленно сообщает посетителям, что ключевыми элементами культуры дикарей являются «зависть, соперничество, жадность и вражда». И это, несомненно, про нас. Тематический парк «Дикие земли» призван продемонстрировать жителям Нью-Лондона опасности старого образа жизни. Его включение в драму призвано показать нам, насколько заманчиво может выглядеть двадцать шестой век на фоне двадцать первого. Эти будущие люди успешно избавились от многих наших недостатков: отсутствие у них личной жизни обеспечивает отсутствие преступности; отсутствие семьи ведет к отсутствию внутригрупповых предпочтений; отсутствие моногамии – к отсутствию сексуальной ревности. Цена всей этой стабильности – авторитарный режим, при котором вынуждены жить эти люди. Любое их недовольство подавляется в нем с помощью «сомы», наркотика удовольствия. И именно этот режим побуждает жителей Нью-Лондона посещать «Дикие земли», поскольку демонизация прошлого служит оправданием статус-кво. Консерваторы нашего времени, идеализирующие прошлое, добиваются примерно того же эффекта, только в обратном направлении. Прошлое – это политическое оружие, которое запросто можно использовать для того, чтобы представить в тех или иных красках наш взгляд на настоящее.

Я отвергаю вредную дихотомию, согласно которой прошлое должно быть либо полностью хорошим, либо полностью плохим. Я не думаю, что мы должны имитировать какую-либо сексуальную культуру прошлого, но это не значит, что все то, что мы наблюдали за последние шестьдесят лет, было процессом неустанного улучшения. «Дикие Земли» не обманывает: действительно, двадцать первый век – это эпоха «зависти, конкуренции, жадности и вражды». Все это несложно осудить. Но кое в чем это реконструкторское шоу из «Дивного нового мира» лукавит: выпячивание пороков прошлого также служит для отвлечения внимания от бедствий настоящего. Сегодняшнее прогрессивное представление жизни 1950-х служит во многом той же цели.

В 2016 году по социальным сетям разлетелся отрывок из книги по домоводству 1950-х годов, предлагающий «советы по уходу за мужем». Домохозяйка инструктировала: по возвращении мужа с работы вы должны немедленно подавать ужин на стол – без фартука и с ленточкой в волосах, и всякий раз вам следует убедиться, что вы предоставили мужу возможность «говорить первым»³⁶. Такие советы часто встречались в руководствах для домохозяек того времени

³⁵ См.: www.glamour.com/story/12-friends-moments-that-will-totally-make-you-kringe-now.

³⁶ Laura House, 'Plan dinner the night before, NEVER complain and speak in a soft voice', 7 декабря 2016, www.dailymail.co.uk/

и даже более ранних эпох. Все они рекомендуют женщинам вести себя так, чтобы их работа по дому выглядела непринужденной – ни грязь, ни прилагаемые усилия не должны попадать в поле зрения мужчин.

Как реакционно, кажется нам сегодня, как глупо и как отстало! Что ж, взгляните на небольшую выборку наставлений журнала «Космополитен», опубликованных за последнее десятилетие: «30 способов доставить удовольствие мужчине»³⁷, «20 способов возбудить своего мужчину»³⁸ или «Как возбудить его – 42 вещи, которые следует проделать с голым мужчиной»³⁹ (последнее руководство включает в себя советы «сделать ободок» (римминг) и «добавить немного ароматизированной смазки»). Разве эти наставления не зациклены на мужских желаниях точно так же, как советы для домохозяек, – не считая того, что в данном случае речь идет о сексуальном удовольствии, а не домашнем комфорте? На мой взгляд, единственное различие в том, что теперь лизание задницы стало буквальным.

От женщин по-прежнему ожидается, что они будут нравиться мужчинам и при этом выглядеть непринужденно. Но в то время как «ангел-хранитель дома» 1950-х годов сбрасывала свой фартук, современный «ангел спальни» сдирает волосы на лобке. Блестящая и безотказная, она скользит подобно лебедю, так что никто и не догадается, что под водной гладью непрестанно кипит работа по поддержанию ее совершенного образа. Она притворяется, что испытывает оргазм; притворяется, что любит анальный секс; притворяется, что она не против «отношений без обязательств», в действительности причиняющих ей боль. Я разговаривала с женщинами, которые годами страдали от вагинизма и при этом не сообщали своим партнерам, что проникновение мучительно для них. Я также общалась с женщинами, которые делали аборт после «секса без обязательств» и никогда не говорили об этом мужчинам, от которых они забеременели. Делить с партнерами внутренние зоны своего тела – что тут такого? А вот раскрыть перед ними неудобный факт своей фертильности – ну уж нет, это слишком интимно. Мы плавно перешли от одной формы женского раболепия к другой, однако мы делаем вид, что на этот раз речь идет о нашем освобождении.

Это притворство наносит вред многочисленным Мэрилин Монро, особенно когда они бедны и лишены друзей, и в этой книге я хочу обратиться прежде всего к молодым женщинам, которые были обмануты либеральным феминизмом и поэтому рискуют последовать очень и очень опасному примеру.

Но потенциальные Хью Хефнеры также пострадали от притворства, хотя и менее очевидным образом. Разложение в особняке «Плейбоя» не убивает человека, но разъедает его. Истинное счастье нельзя найти на грязном матрасе с женщиной, которой ты даже не нравишься.

Либеральная идеология льстит нам, когда говорит, что наши желания хороши и что их удовлетворение, несомненно, окупится, какова бы ни была его цена. Но ложь этого обольщения должна быть очевидна для каждого, кто когда-либо задним числом понимал, что ошибался в своем желании и что, следуя за ним, причинял вред себе или другим людям. Поэтому я собираюсь предложить альтернативную форму сексуальной культуры – ту, что признает других человеческих существ реальными людьми, наделенными реальной ценностью и достоинством. Пришло время сексуальной контрреволюции.

femail/article-4011366/Cringeworthy-1950s-marriage-advice-teaching-housewives-look-husbands.html.

³⁷ См.: www.cosmopolitan.com/sex-love/advice/g3765/ways-to-please-a-man/.

³⁸ См.: www.cosmopolitan.com/uk/love-sex/sex/tips/g1508/turn-him-on-sex-tips/.

³⁹ См.: www.cosmopolitan.com/sex-love/confessions/advice/g1788/how-to-turn-him-on/.

Глава 2. Мужчины и женщины – разные

«Естественная история изнасилования» Рэнди Торнхилла и Крейга Палмера была написана не в угоду феминисткам⁴⁰. Более того, феминистки даже не были предполагаемой аудиторией этой книги. После публикации этого академического труда в 2000 году его авторы подверглись широкому осуждению в средствах массовой информации и в течение некоторого времени получали так много правдоподобных угроз физической расправы, что полиция посоветовала им регулярно проверять свои машины на предмет наличия взрывчатки⁴¹. Усилия Торнхилла и Палмера предложить эволюционное объяснение изнасилования не были, мягко говоря, встречены большинством доброжелательно.

Когда я впервые наткнулась на эту книгу, я прочла ее как одержимая, за один присест, и к концу осталась с ощущением одновременно безутешности и странного удовлетворения. В то время я работала в кризисном центре для жертв изнасилований. Моя работа заключалась в общении тет-а-тет с женщинами и девочками, которые подверглись сексуальному насилию. Но помимо этого у меня были преподавательские обязанности – подготовка волонтеров для нашей горячей линии и проведение образовательных воркшопов на тему культуры согласия в школах. Идеология, которой я должна была обучать, в значительной степени опиралась на очень специфическую академическую модель изнасилования, и со временем у меня появились сомнения в правдивости этой модели. «Естественная история изнасилования» стала для меня откровением: она сформулировала эти сомнения и конкретизировала их. Я поняла, что не ошибалась, полагая, что есть что-то проблематичное в традиционном феминистском понимании изнасилования – проблема действительно существует, и едва ли она разрешится сама собой.

Книга Сюзан Браунмиллер «Против нашей воли» 1975 года остается основополагающим феминистским текстом на тему изнасилования. В самом деле, она настолько стала классикой, что в 1995 году Нью-Йоркская публичная библиотека включила ее в число 100 самых важных книг двадцатого века⁴². Ее слава заслужена, поскольку анализ Браунмиллер был революционным – хотя и небезупречным – и прибыл в решающий исторический момент в самый разгар второй волны феминизма. В частности, утверждение Браунмиллер о том, что изнасилование исторически чаще рассматривалось как преступление против собственности, при котором пострадавшими считаются родственники-мужчины подвергшейся насилию женщины, а не сама эта женщина, было и верным, и своевременным. Изнасилование в браке – надругательство над «имуществом» мужа – лишь относительно недавно стало уголовно наказуемым деянием на Западе и остается законным во многих незападных странах. Борьба за введение уголовной ответственности за это преступление была одной из величайших феминистских кампаний прошлого века, и даже сегодня ее триумф не является окончательным. Книга «Против нашей воли» помогла активизировать эти усилия в 1970-х и 1980-х годах, что было очень хорошим достижением. Уже за это книга заслуживает похвалы.

Точка зрения Браунмиллер резюмируется в знаменитой цитате из ее книги, где она описывает изнасилование как «не что иное, как сознательный процесс запугивания, с помощью которого все мужчины держат всех женщин в состоянии страха»⁴³. В модели Браунмиллер изнасилование понимается как выражение не только физического, но и политического господства. Таким образом, она предполагает, что почти абсолютное преобладание мужчин среди лиц, совершивших изнасилование, является продуктом не биологии, а патриархата – социаль-

⁴⁰ Randy Thornhill and Craig T. Palmer, *A Natural History of Rape: Biological Bases of Sexual Coercion*. Chicago: MIT Press, 2000.

⁴¹ Alice Dreger, *Galileo's Middle Finger: Heretics, Activists, and One Scholar's Search for Justice*. New York: Penguin, p. 124.

⁴² См.: www.nypl.org/voices/print-publications/books-of-the-century.

⁴³ Susan Brownmiller, *Against Our Will: Men, Women and Rape*. New York: Simon & Schuster, 1975, p. 6 [Kindle locations 238–9].

ной системы, которая отдает предпочтение мужским интересам над женскими. Согласно этой точке зрения, насильниками не рождаются, а становятся – они являются продуктом культуры, поощряющей мужчин рассматривать женщин как свои сексуальные игрушки. Следовательно, чтобы покончить с изнасилованиями, мы должны сначала покончить с патриархатом.

В течение последних пятидесяти лет этот аргумент оставался значимым для феминисток всех идеологических направлений. К примеру, в своей статье для «Гардиан» в 2013 году Джилл Филипович выражает господствующую феминистскую идею, когда утверждает, что изнасилование связано с «властью и принуждением. Хотя насильники и используют половые органы как инструмент для своих насильственных действий, дело тут не в сексе, по крайней мере, не в том смысле, что изнасилование мотивировано сексуальным влечением или неконтролируемым сексуальным желанием»⁴⁴. Это мнение часто выражается в одной краткой фразе: «изнасилование – это не про секс, а про власть».

Я часто воспроизводила эту точку зрения, будучи работницей кризисного центра. Вероятно, я даже в точности повторяла эту формулировку. Я чувствовала, что, если посмотреть на дело иначе, если предположить, что насильниками движет сексуальное желание, а не только стремление к контролю, это послужило бы для них оправданием. А мне, разумеется, совсем не хотелось их оправдывать, учитывая, что я ежедневно сталкивалась с ужасными последствиями изнасилований, которые иногда растягиваются на долгие годы. Кроме того, в утверждении Браунмиллер в самом деле есть доля правды. В частности, сексуальные домогательства на рабочем месте почти никогда не совершаются нижестоящими сотрудниками-мужчинами в отношении женщин, занимающих более высокое служебное положение. Напротив, что весьма предсказуемо, они совершаются теми, у кого больше власти, в отношении тех, у кого ее меньше.

Теперь я понимаю, почему мне хотелось верить, что дело здесь исключительно во власти. Альтернативная гипотеза казалась мне невыразимо тягостной. В новом предисловии к книге «Против нашей воли», написанном в 2013 году, Браунмиллер представила (не особенно великодушно) эту альтернативу:

Некоторые биологи-эволюционисты твердо верят в мрачную неизбежность того, что «мужчины всегда будут мужчинами». Горстка крикливых неодарвинистов выдвигает теорию, что изнасилование – это экономически выгодная стратегия (сопровожаемая стремлением к агрессии, беспорядочным половым связям и размножению), которая используется мужчинами для широкого распространения своих генов с минимальными вложениями в родительский труд. Но это же просто смешно – оправдывать изнасилования и невыплату алиментов тем, что это якобы «естественное поведение»!⁴⁵

Согласно точке зрения Браунмиллер, если мы считаем, что изнасилование – это «естественное поведение», то мы должны также мыслить его, во-первых, как нечто допустимое и, во-вторых, как нечто неизбежное. Первый вывод (о допустимости) является хрестоматийным примером натуралистической ошибки – ложной веры в то, что, если что-то естественно, оно обязательно должно быть хорошим. А вот со вторым выводом (о неизбежности) дело обстоит сложнее. Если изнасилование действительно является продуктом эволюции, становится ли оно от этого неизбежным? Вообще говоря, не обязательно, но это обстоятельство, безусловно, затрудняет его искоренение. Я думаю, именно это является главной причиной того, что исторически феминистки сопротивляются принятию научного аргумента, столь презируемого Браунмиллером. Вместо этого большинство феминисток продолжают апеллировать к теории социализа-

⁴⁴ Jill Filipovic, 29 августа 2013, www.theguardian.com/commentisfree/2013/aug/29/rape-about-power-not-sex.

⁴⁵ Brownmiller, *Against Our Will* [Kindle locations 92–3].

ции как к более предпочтительному способу объяснения мужского и женского поведения, как хорошего, так и плохого. Эта теория популярна среди представительниц либерального феминизма, о котором я подробно говорила в предыдущей главе. Но также она популярна среди другой важной группы феминисток, и сегодня не сбавляющих обороты. Речь идет о радикальных феминистках, настаивающих – в соответствии с принятым определением этого движения – на радикальной реструктуризации общества, играющего, как они полагают, на стороне мужского превосходства.

Согласно теории социализации, между мужчинами и женщинами нет врожденных психологических различий. Любые наблюдаемые нами различия являются продуктом воспитания, а не природы. И эта теория не лишена оснований. Так, в своем бестселлере «Заблуждения о гендере» австралийская ученая и писательница Корделия Файн излагает долгую историю попыток исследователей найти окончательные доказательства врожденных различий, приходя к выводу, что доводы в пользу теории социализации в конечном счете намного сильнее. Она ясно дает понять, что существует множество свидетельств того, что мужчины и женщины испытывают очень разное обращение на протяжении всей своей жизни. Например, в одном типичном исследовании, описанном Файн:

Матерям показали регулирующую наклонную дорожку и попросили оценить крутизну склона, с которой их ползающий одиннадцатимесячный ребенок сможет справиться, а также предсказать, попытается ли он это сделать. Как показало испытание на дорожке, девочки и мальчики не различались ни в способности ползать, ни в способности принимать на себя риск. Однако матери недооценивали девочек и переоценивали мальчиков – как в способности, так и в попытках ползать. А это означает, что в реальном мире они часто могут ошибочно считать своих дочерей неспособными выполнять или пытаться выполнить определенные двигательные действия, переоценивая в этом отношении своих сыновей⁴⁶.

Эти различия в социализации имеют место с момента рождения ребенка, и мы не можем сказать наверняка, какое влияние они оказывают в долгосрочной перспективе. Тем не менее вполне вероятно, что некоторое влияние они оказывают и что наблюдаемые психологические различия между полами – по крайней мере, частично – объясняются особенностями социализации в детстве. Таким образом, вторая волна феминизма научила нас уделять пристальное внимание воспитанию детей, выступая, в частности, против игрушек и рекламы, пропагандирующих гендерные стереотипы.

Однако в основе проекта ресоциализации лежит абсолютно утопическая идея: если наблюдаемые нами различия между полами полностью объясняются социализацией, то они также могут быть полностью искоренены посредством культурных реформ. А это, в свою очередь, означает, что если бы все мы прямо сейчас приняли феминистскую истину и начали воспитывать наших детей по-другому, тогда мы смогли бы переделать мир за одно поколение.

Это хорошая идея, и некогда я искренне верила в нее. Но доказательства, выдвинутые авторами «Естественной истории изнасилования», а также многими другими учеными, заставляют нас считаться с гораздо менее привлекательной возможностью: что, если все не так просто? Что, если иерархия, порочность и насилие заложены в нас природой? Что, если феминистская задача в действительности намного сложнее, чем нам казалось раньше?

⁴⁶ Cordelia Fine, *Delusions of Gender*. Cambridge: Icon, 2013, p. 198.

Человеческие животные

В книге «Против нашей воли» Браунмиллер пишет: «Насколько я знаю, ни один зоолог никогда не наблюдал, чтобы животные совершали изнасилования в своей естественной среде обитания, в дикой природе»⁴⁷. Это утверждение ошибочно, вопиюще ошибочно. Изнасилование, как и другие ужасные вещи, которые иногда наблюдаются в человеческом поведении, для многих видов животных – обычное дело. Этот мрачный факт был обнаружен в многочисленных исследованиях, опубликованных за последние сорок семь лет. К 1975 году он был уже хорошо известен. Например, несколькими годами ранее британский приматолог Джон Маккиннон опубликовал свой новаторский отчет о том, как он пятнадцать с половиной месяцев наблюдал за дикими орангутангами, описав множество случаев «изнасилования агрессивными самцами самок против воли последних»⁴⁸. С тех пор такое поведение среди орангутангов⁴⁹, а также среди других животных⁵⁰, было констатировано другими исследователями. Мы не единственные насильники в природе.

Теория социализации опирается на неявное допущение человеческой исключительности, которое проявляется в том, что мы, во-первых, якобы оторваны от нормальных процессов естественного отбора и, во-вторых, подвержены разложению со стороны культурных факторов. Согласно такому анализу, мы совершаем плохие поступки не потому, что мы небезупречны, как и любые другие животные, а потому, что изобретение культуры, которая развращает невинных маленьких детей, превращая их в злодеев, было нашим выбором. Эта концепция «чистого листа» наделяет общество высшей властью в формировании характера человека, окажется он хорошим или плохим.

Существует более правдоподобный взгляд на эту проблему, но он оставляет гораздо меньше места для человеческого совершенствования и поэтому является гораздо менее привлекательным для утопистов. Вместо того, чтобы невольно уподобляться религиозным фундаменталистам девятнадцатого века, которые боролись с Дарвином, мы могли бы мыслить людей как животных, а точнее, как гоминидов, человекообразных обезьян, таксономическое семейство приматов, которое включает семь других ныне существующих видов. Как пишет феминистка и биолог-эволюционист Сара Блаффер Хрди:

Мы не являемся «реди-мейдом» из чьего-то ребра. Мы состоим из множества различных линий биологического наследования, собранных из остатков эволюционного процесса, продолжавшегося миллиарды лет. Даже эндорфины, благодаря которым я смогла пережить родовые схватки, мой организм производил из точно таких же молекул, которые и сегодня можно найти в организме дождевого червя⁵¹.

Вследствие столь разнообразного биологического наследия в сочетании с давлением эволюционного отбора, благоприятствующего определенным чертам, мы иногда демонстрируем доброту, мягкость и дружелюбие. По тем же причинам в другое время мы убиваем, пытаем и насилуем. И, подобно другим гоминидам, самцы и самки нашего вида отличаются в некоторых важных аспектах – как физиологически, так и поведенчески.

⁴⁷ Brownmiller, *Against Our Will* [Kindle location 199].

⁴⁸ John MacKinnon, 'The orang-utan in Sabah today', *Oryx* 11 (1971): 141–91, at p. 175.

⁴⁹ B. M. F. Galdikas, *Reflections of Eden: My Life with the Orangutans of Borneo*. London: Indigo, 1996; John C. Mitani, 'Mating behavior of male orangutans in the Kutai Game Reserve, Indonesia' *Animal Behaviour* 33 (1985): 392–402.

⁵⁰ Thornhill and Palmer, *A Natural History of Rape*, pp. 82–3.

⁵¹ Sarah Blaffer Hrdy, *Mother Nature: A History of Mothers, Infants, and Natural Selection*. New York: Pantheon, 1999.

Начнем с некоторых физиологических различий. Взрослые женщины примерно в два раза слабее взрослых мужчин в верхней части тела и на две трети слабее в нижней части⁵². В среднем мужчины могут выполнять жим лежа с массой примерно в два с половиной раза большей, чем женщины⁵³, а также наносить настолько же более сильные удары⁵⁴. Что касается силы хвата рук, то показатели 90 % женщин меньше показателей 95 % мужчин⁵⁵. Другими словами, подавляющее большинство женщин физически слабее подавляющего большинства мужчин, и любой феминистский анализ распределения власти между мужчинами и женщинами должен начинаться с признания этого факта.

Также мужчины могли бы без труда победить женщин в беговых и игровых соревнованиях. Половые различия менее выражены в видах спорта, где упор делается на выносливость, а не только на силу, но и здесь они имеют большое значение. На олимпийских соревнованиях по плаванию и бегу показатели женщин колеблются на уровне около 90 % от результатов мужчин (в легкой атлетике это иногда называют «золотым сечением»)⁵⁶. Эта разница может показаться несущественной, однако она имеет поразительно важное значение, когда дело касается элитных спортсменов. Например, на летних Олимпийских играх 2016 года Элейн Томпсон из Ямайки выиграла золото в стометровке с результатом 10,71 секунды. На тех же играх в аналогичной дисциплине у мужчин победил Усэйн Болт, тоже из Ямайки, его результат составил 9,81 секунды. Хотя разница между этими двумя спортсменами была меньше секунды, если бы мужчины и женщины состязались вместе, Томпсон не попала бы даже в финальный забег. В действительности Томпсон бы с легкостью обошла атлеты, соревнующиеся в категории «до 17 лет»⁵⁷, подобно тому как женская сборная США по футболу в 2017 году проиграла юношеской команде из Далласа⁵⁸. Эта команда состояла из мальчиков не старше 15 лет, которые только что перешагнули порог полового созревания и, таким образом, только начали развивать силу и мощь взрослых мужчин. В большом спорте женские соревнования традиционно выделяются в отдельную категорию, потому что иначе среди элитных спортсменов вообще не было бы женщин – мужчины каждый раз побеждали бы их.

Для большинства людей (особенно для тех, кто имеет опыт участия в спортивных соревнованиях или даже просто в шутку боролся с братьями или сестрами противоположного пола) это наблюдение – не более чем простое выражение здравого смысла. В двадцать первом веке единственной группой, выступающей против факта физических различий между полами, являются либеральные феминистки. Некоторые из них предлагают открыть женские соревнования для транс-спортсменов, которые совершили переход из мужского гендера в женский, подвергшись при этом некоторому медицинскому вмешательству, чтобы обратить вспять последствия мужского полового созревания. Некоторые либеральные феминистки идут еще дальше, утверждая, что женский спорт как отдельную категорию следует полностью ликвидировать. Например, вот что в 2016 году писала британская феминистка Лори Пенни (о разногласиях по поводу включения транс-спортсменов в летние Олимпийские игры того года): «Редко ставится под сомнение строгая гендерная сегрегация. А ведь это позволяет беспрепятственно отодвинуть женские соревнования на второй план, при этом гарантируя, что ни один спортсмен-мужчина

⁵² A. E. Miller, J. D. MacDougall, M. A. Tarnopolsky and D. G. Sale, 'Gender differences in strength and muscle fiber characteristics', *European Journal of Applied Physiology and Occupational Physiology* 66 (1993): 254–62.

⁵³ Tal Amasay, Constance M. Mier, Katelyn K. Foley and Tonya L. Carswell, 'Gender differences in performance of equivalently loaded push-up and bench-press exercises', *Journal of Sport* 5 (2016): 46–63.

⁵⁴ Paul Gabrielsen, 'Why males pack a powerful punch', 5 февраля 2020, <https://phys.org/news/2020-02-males-powerful.html>.

⁵⁵ D. Leyk, W. Gorges, D. Ridder et al., 'Hand-grip strength of young men, women and highly trained female athletes', *European Journal of Applied Physiology* 99 (2007): 415–21.

⁵⁶ Robinson Meyer, 7 августа 2012, www.theatlantic.com/technology/archive/2012/08/the-golden-ratio-the-one-number-that-describes-how-mens-world-records-compare-with-womens/260758/.

⁵⁷ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/CARIFTA_Games#Boys_Under_17.

⁵⁸ См. www.truthorfiction.com/was-the-u-s-womens-national-team-defeated-by-teenaged-boys-in-a-2017-soccer-match/.

никогда не будет обойден женщиной. Однако разделение спорта по половому признаку не является естественным или неизбежным»⁵⁹.

Спортсменки, для которых половые различия представляют собой нечто большее, чем просто философскую проблему, решительно возражали против этой идеи (в их числе были Пола Рэдклифф, Шэрон Дэвис и Келли Холмс)⁶⁰. Дэвис, например, настаивала на том, что «те, у кого есть преимущества, связанные с мужским полом, не должны иметь возможности соревноваться вместе с женщинами. Это необходимо для защиты женского спорта»⁶¹. Вопреки утверждениям Пенни, ни у одного спортсмена мужского пола нет желания поддерживать сегрегацию по половому признаку в спорте по той причине, что он боится быть побежденным женщиной. Любой человек, имеющий практический опыт в спорте, знает, что такой страх является совершенно надуманным.

Но признание такого рода физических границ не согласуется с проектом либерального феминизма, который стремится бросить вызов любым ограничениям человеческой свободы. Если мы признаем, что между полами существуют неустранимые различия в силе и скорости, то мы будем также вынуждены признать не только то, что люди, от рождения получившие мужской пол, не могут честно конкурировать в женских спортивных состязаниях, но и то, что женщины всегда находятся в физически более уязвимом положении. Последствия этой уязвимости выходят далеко за рамки спорта, особенно когда местом приложения мужской мускульной силы становится хрупкое женское горло. В современном западном мире человеку все проще абстрагироваться от телесных различий между полами – если только речь не идет о физическом труде, спортивных состязаниях или деторождении. Но нелицеприятная истина всегда будет преследовать нас, вне зависимости от того, способны ли мы ее вынести: почти каждый мужчина способен голыми руками убить женщину, но не наоборот. И это имеет значение.

⁵⁹ См.: www.newstatesman.com/politics/sport/2016/07/olympics-one-question-will-hang-over-female-athletes-are-you-real-woman.

⁶⁰ 'Dame Kelly Holmes, Paula Radcliffe and Sharron Davies to write to IOC over transgender athletes', 18 марта 2019, www.bbc.co.uk/sport/47608623.

⁶¹ Sean Ingle, 3 марта 2019, <https://www.theguardian.com/society/2019/mar/03/sports-stars-weigh-in-on-row-over-transgender-athletes>.

Различия «в мозгах»

В отличие от своих либеральных коллег, радикальные феминистки готовы полностью принять факт врожденных физиологических различий между полами. Однако, как правило, ни либеральные, ни радикальные феминистки не желают сделать следующий шаг и признать еще более тягостный факт: существуют также врожденные различия «в мозгах». Радикальные феминистки, придерживающиеся теории социализации, могут признавать наличие сильной верхней части тела у мужчин, но отказываются признать ее причину.

Для развития широких, мускулистых плеч у мальчиков требуются значительные энергетические затраты организма, притом что вложенную в это развитие энергию можно было бы потратить на другие естественные процессы. Это говорит нам о том, что на протяжении нашей эволюционной истории мальчики, у которых развилась крепкая верхняя часть тела, имели преимущество при естественном отборе. В настоящее время мы знаем, что мужчины с мускулистой верхней частью тела считаются более привлекательными для гетеросексуальных женщин из самых разных культур⁶², и мы также знаем, что мужчины с таким типом телосложения имеют преимущество в физической борьбе – как с животными других видов, так и с другими мужчинами. Невозможно объяснить этот факт, если мы также не признаем, что физическая борьба играла важную роль в эволюционной истории человека, что вдобавок обязывает нас признать, что естественному отбору также должно было подвергаться специфическое для каждого пола поведение.

Однако мы часто сталкиваемся с трудностями, когда пытаемся применить это понимание к реальному миру. Читатели, скептически относящиеся к эволюционному объяснению гендерного поведения, сейчас подумают, вероятно, о своих знакомых мужчинах, которые не являются обладателями особенно широких плеч и которые никогда не проявляли интереса к какой бы то ни было борьбе. Немудрено во фразе «мужчины и женщины в среднем ведут себя определенным образом» расслышать «мужчины и женщины всегда такие». Ясно, что любой человек, хоть сколько-то поживший в этом мире, знает, что это неправда. Есть множество мужчин и женщин, которые физически не похожи на других представителей своего пола, и огромное множество тех, кто с точки зрения своих интересов и поведения не соответствует гендерным стереотипам. На самом деле, я пошла бы дальше и предположила, что сложно вообще найти человека, который был бы ходячим гендерным стереотипом (у меня самой есть некоторые стереотипно женские черты и некоторые стереотипно мужские, и я уверена, что у вас тоже).

Но такого рода отдельные случаи не опровергают утверждения, что существуют некоторые важные усредненные различия между полами и что эти различия имеют значение на уровне популяции. Мы можем настаивать на том, что существует множество исключений из правила – а также на том, что нет ничего плохого в том, чтобы быть этим исключением – и в то же время признавать существование самого этого правила.

Нашему виду свойственен половой диморфизм, однако не в столь значительной степени, как некоторым другим видам. Например, самец северного морского слона, обитающего в восточной части Тихого океана, в три раза тяжелее самки того же вида. Кроме того, самцы и самки имеют поразительно разные модели поведения с точки зрения питания и миграции. Не случайно, что этот вид является чрезвычайно полигинным: за один брачный период один самец осеменяет до пятидесяти самок. Напротив, самцы тюленя обыкновенного, обитающие вдоль арктического и европейского побережья, имеют почти такой же вес, что и самки, и в основном

⁶² Aaron Sell, Aaron W. Lukaszewski and Michael Townsley, 'Cues of upper body strength account for most of the variance in men's bodily attractiveness', *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* 284 (2017), <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rspb.2017.1819>.

моногамны, причем самцы и самки демонстрируют схожее поведение. Мы ближе к тюленям, чем к морским слонам, поскольку наши самки весят в среднем всего на 25 % меньше, чем самцы, а большинство наших обществ лишь слегка полигинны. И все же нам присуща определенная степень полового диморфизма, которая, хотя и может быть смягчена культурными условиями, остается очевидной в каждом человеческом сообществе.

Сложность заключается в том, что в отношении одного конкретного параметра мы значительно отличаемся от тюленей и северных морских слонов: как вид мы обладаем уникальным интеллектом. Это означает, что, в отличие от других животных, мы можем бросить вызов своим инстинктам, по крайней мере, до некоторой степени. Кроме того, в отличие от других животных, мы смогли расселиться по всей планете и приспособиться к очень разным условиям окружающей среды. Такого рода вариации в материальных условиях иногда могут приводить к совершенно различным путям развития человеческих обществ. Нам, к примеру, кажутся странными брачные обычаи некоторых культур. Так, китайский народ На известен отсутствием у его представителей института брака и намеренным подавлением долгосрочных парных связей, а некоторые амазонские группы считают, что у ребенка может быть два и более биологических отца. Что касается аномальных брачных обычаев на Западе двадцать первого века – которые и являются предметом этой книги, – то они представляют собой продукт не климатических или территориальных условий, но, скорее, новых технологий, недоступных людям в прошлом (я писала об этом в главе 1).

Однако все эти вариации укоренены в биологии. Либеральные феминистки и транс-активисты могут изо всех сил отрицать это, и тем не менее до сих пор несомненно: только половина человечества способна забеременеть, и – покуда не удалось изобрести искусственные матки – это остается неоспоримой истиной на неопределенный срок. Более того, даже если бы мы каким-то образом полностью изъяли человеческое тело из процесса репродукции, у нас все равно остался бы наш человеческий мозг, который является продуктом нашей эволюции. Естественный отбор не поспевает за быстрыми социальными изменениями. Мозг, который у нас есть сейчас, мало чем отличается от мозга людей девятнадцатого века и даже от мозга наших предков охотников-собирателей, поскольку охота и собирательство были первой и наиболее успешной адаптацией человечества, которая заняла по меньшей мере 90 % человеческой истории.

Влияние естественного отбора на психологические различия между мужчинами и женщинами является политически щекотливой темой, так как она выступает благодатной почвой для различных злоупотреблений. Критики иногда обвиняют эволюционных психологов в том, что они предлагают объяснения, которые звучат интуитивно убедительно, однако не имеют под собой реальных доказательств. И это обвинение небезосновательно. Некоторые теоретики-любители – и даже некоторые профессионалы – позволили своему воображению не на шутку разыграться, и, к сожалению, псевдонаучные фантазии антифеминистов оказались наиболее провокационными.

Досадно, что, намеренно дистанцировавшись от эволюционной психологии, большинство феминисток лишили себя возможности сколько-нибудь существенно повлиять на ее развитие. По правде говоря, сама идея эволюционной обусловленности психологических различий между полами стала в некоторых кругах настолько табуированной, что даже озвучивание такой возможности воспринимается как знак антифеминистских настроений. В 2017 году инженер Google Джеймс Деймор распространил манифест, в котором предположил, что недостаточная представленность женщин в Google может быть отчасти следствием (по его словам) «различий в распределении черт характера между мужчинами и женщинами»⁶³. Исследование,

⁶³ 'Google's ideological echo chamber', июль 2017, <https://web.archive.org/web/20170809021151/https://diversitymemo.com/>.

на которое ссылался Деймор, было совершенно обоснованным, и тем не менее его уволили за нарушение кодекса поведения Google, что спровоцировало бурные дебаты в СМИ.

Вследствие этого табу люди, желающие публично поддержать эволюционистский подход, часто попадают в одну из двух категорий: либо они не восприимчивы к самому существованию табу (Деймор, будучи высокофункциональным аутистом, вероятно, относился к этой категории)⁶⁴, либо они являются антифеминистами. Примечательно, что так много энтузиастов-любителей от эволюционной психологии склонны сосредотачиваться на одном конкретном вопросе, иногда с крайней одержимостью: на действиях, направленных на увеличение представленности женщин в науке, технологиях, инженерии и математике (НТИМ). Отчасти негативная реакция на поступок Деймора была вызвана тем фактом, что многие женщины, работающие в организациях, где доминируют мужчины – таких как Google, – сталкиваются с повседневными сексистскими оскорблениями, которые варьируются от легкой снисходительности до откровенных сексуальных домогательств. Поэтому многие из них вполне правомерно стали чувствительны к неуклюжим разговорам о «мужских мозгах» и «женских мозгах», которые могут маскировать заявления о женской неполноценности.

Я согласна с Деймором в том, что недостаточная представленность женщин в НТИМ, вероятно, частично объясняется врожденными биологическими различиями. Однако, как писал тот же Деймор в тексте своего манифеста, «многие из этих различий невелики, и в значительной степени показатели мужчин и женщин неотличимы друг от друга, так что вы ничего не можете сказать об отдельном человеке на основании распределения этих различий на уровне популяции»⁶⁵. Когда речь идет об узкоспециализированном мире технологий, мы имеем дело с двумя колоколообразными кривыми нормального распределения, которые по большей части накладываются друг на друга. И, как и в видах спорта на выносливость, только на хвостах этих кривых средняя разница становится очевидной.

Хотя вопрос о половых различиях в НТИМ, несомненно, важен для людей, работающих в этой сфере, по большому счету, эти различия являются второстепенными. Между полами существуют гораздо более серьезные и важные психологические различия, которые заслуживают нашего неотложного внимания. Однако, когда я разговариваю с определенным типом мужчин-энтузиастов эволюционной психологии, я часто обнаруживаю, что они не заинтересованы в обсуждении этих вопросов. Когда я говорю, что, на мой взгляд, с Деймором обошлись несправедливо, они охотно кивают. Но когда я поднимаю вопрос о мужском насилии, все они сразу куда-то исчезают, что неудивительно, ведь этот вопрос ставит мужчин в намного более уязвимое положение.

Или, что еще хуже, эти энтузиасты впадают в натуралистское заблуждение. В 2020 году Уилл Ноулэнд – учитель английского языка в Итонском колледже, старейшей и самой престижной школе в Великобритании, – привлек большое внимание СМИ в связи с его увольнением за создание видео под названием «Парадокс патриархата» в рамках курса по критическому мышлению для старших школьников⁶⁶. Позже Ноулэнд так объяснял, за что его наказали: «... директор считал, что некоторые из идей, выдвинутых в моей лекции, – например, мнение о том, что мужчины и женщины различаются психологически и что не все эти различия обусловлены социальными факторами, – были слишком опасны для юношей»⁶⁷. Я не сомневаюсь, что это действительно было причиной того, что Ноулэнд оказался в конфликте с властями в Итоне – по крайней мере, частично. Но, хотя я и симпатизирую Джеймсу Деймору, учитывая,

⁶⁴ Paul Lewis, 'I see things differently', 17 ноября 2017, www.theguardian.com/technology/2017/nov/16/james-damore-google-memo-interview-autism-regrets.

⁶⁵ 'Google's ideological echo chamber'.

⁶⁶ См.: www.youtube.com/watch?v=wTHgMxQEoPI.

⁶⁷ Camilla Turner, 27 ноября 2020, www.telegraph.co.uk/news/2020/11/26/exclusive-eton-college-dismisses-teacher-amid-free-speech-row/.

как с ним обошелся Google, я вовсе не занимаю сторону Ноулэнда. Некоторые из его утверждений откровенно ложны, и, кроме того, он демонстрирует плохое понимание феминизма, в частности, используя термин «радикальный феминизм» для обозначения «экстремального феминизма» (это всегда показательно). И, хотя его видео затрагивает некоторые из тех вопросов, которые я разобрала в этой главе, например, различия в силе и агрессии между мужчинами и женщинами, Ноулэнд использует эволюционную биологию совсем иначе. Он пытается доказать, что женщины по своей природе уступают мужчинам – что они не только меньше и слабее, но также менее творческие и изобретательные, – и что мужчины были единственными жертвами на протяжении всей истории человечества, в то время как женщин только баловали.

Я прекрасно понимаю, почему столь многих феминисток отталкивает любая ассоциация с идеологией антифеминистов вроде Ноулэнда. Однако мы не должны отвечать на злоупотребления в использовании научной дисциплины полным отказом от этой дисциплины. Сами по себе доказательства этически нейтральны и могут быть использованы для любых политических целей, в том числе феминистских. Книга «Естественная история изнасилования» озарила меня, словно молния: благодаря ей я осознала феминистский потенциал эволюционной психологии – дисциплины, которую я до этого отвергала как сомнительную по своей сути.

Изнасилование как стратегия адаптации

Как я писала в первой главе, центральным феминистским вопросом должен быть не вопрос «Как мы все можем быть свободными?», а скорее вопрос «Как мы можем наилучшим образом содействовать благополучию как мужчин, так и женщин, учитывая, что эти две группы имеют разные интересы, которые иногда противоречат друг другу?». Эволюционная психология исследует, как именно интересы мужчин и женщин противоречат друг другу, и это затрудняет примирение этой дисциплины как с либеральным феминизмом с его упором на свободу, так и с утопическим радикальным феминизмом. Но если мы отбросим цель достичь абсолютной свободы или утопии и начнем более прагматично думать о том, как лучше защитить интересы женщин здесь и сейчас, тогда мы сможем переосмыслить эволюционную психологию в качестве полезного инструмента.

Мне нужна была такая книга, как «Естественная история изнасилования», потому что меня беспокоили некоторые вопросы, на которые не могла ответить теория социализации, – почему, например, среди жертв изнасилования так много подростков? Мой собственный опыт работы в кризисном центре дал мне некоторое представление о демографии изнасилований, а более систематические исследования подтвердили мои подозрения: существует очевидный пик виктимизации среди женщин, причем риск очень быстро возрастает после достижения возраста примерно 12 лет и снова почти так же быстро уменьшается после 30 лет. Иногда мишенью домогательств становятся очень юные и очень пожилые женщины, но это происходит редко: наиболее частый случай – жертва возраста 15 лет⁶⁸, тогда как число тех, кому на момент изнасилования было за тридцать, не достигает и 10 %⁶⁹. Я задалась вопросом: может ли в самом деле быть совпадением, что пиковый возраст изнасилований также является возрастом, в котором лично я чаще всего встречалась с сексуальными домогательствами на улице? Нет, это не совпадение. Как пишут социологи Ричард Фелсон и Ричард Моран:

Социальные науки продемонстрировали тесную связь между возрастом и сексуальной привлекательностью. Гетеросексуальные мужчины испытывают сексуальное влечение к молодым женщинам, а гомосексуальные мужчины – к молодым мужчинам. Возрастные предпочтения объясняют, почему звезды фильмов для взрослых, секс-работники и работницы, стриптизеры и стриптизерши, а также гламурные модели – это чаще всего молодые люди и почему их заработки с возрастом снижаются⁷⁰.

Женщины чаще всего становятся жертвами изнасилования в тот же период их жизни, когда они находятся на пике сексуальной привлекательности – эти два графика почти полностью накладываются друг на друга. Теория социализации не способна объяснить это явление. Ведь если «изнасилование – это не про секс, а про власть», то почему насильники выбирают своими жертвами женщин, находящихся именно в том возрасте, в котором они способны вызвать у мужчин наибольшее сексуальное влечение?

Следует сказать также о возрасте самих насильников. Хотя здесь перекося в сторону молодых мужчин не так велик, как в случае подвергшихся изнасилованию женщин, на графике все же вырисовывается очень четкий пик. Так, одно типичное в этом отношении исследование показало, что 46 % насильников моложе 25 лет, 17 % моложе 18 лет и 15 % моложе 15 лет⁷¹. Это

⁶⁸ Richard B. Felson and Patrick R. Cundiff, 'Sexual assault as a crime against young people', *Archives of Sexual Behavior* 43 (2014): 273–84.

⁶⁹ Thornhill and Palmer, *A Natural History of Rape*, p. 72.

⁷⁰ Richard Felson and Richard Moran, 2 января 2016, <https://quillette.com/2016/01/02/to-rape-is-to-want-sex-not-power/>.

⁷¹ T. A. Gannon, R. M. Collie, T. Ward and J. Thakker, 'Rape: psychopathology, theory and treatment', *Clinical Psychology Review*

соответствует не только возрастному профилю насильственных преступлений в целом, которые в подавляющем большинстве совершаются молодыми мужчинами, но также пику мужского сексуального влечения⁷². Опять же, если «изнасилование – это не про секс, а про власть», как объяснить эти совпадения?

Был еще один вопрос, в отношении которого меня терзали сомнения, когда я впервые открыла «Естественную историю изнасилования». Согласно исследованиям, доля мужчин среди жертв изнасилования обычно составляет от 2 до 5 %, причем почти все эти изнасилования совершаются другими мужчинами. При просмотре данных мне пришло в голову, что это эквивалентно доле мужчин, идентифицирующих себя в качестве геев или бисексуалов. Простое совпадение, если следовать модели Браунмиллер. Однако, если мы сменим перспективу, это совпадение не может не показаться крайне примечательным, учитывая, что геи и бисексуалы совершают изнасилования примерно так же часто, как и гетеросексуалы, и что среди жертв этих насильников встречаются, разумеется, другие мужчины и мальчики. В связи с этим должны ли мы по-прежнему интерпретировать изнасилование как выражение политического господства, уходящего корнями в патриархат, или вместо этого следует рассмотреть гораздо более очевидную возможность: изнасилование является агрессивным выражением сексуального желания?

Эти открытия оспариваются двумя очень разными группами людей, каждая из которых склонна либо игнорировать данные, либо оспаривать их. И в конечном счете эти группы часто странным образом вторят друг другу. Первая из них – это антифеминистские активисты, отстаивающие права мужчин; вторую же представляют те феминистки, которые, стремясь быть как можно более инклюзивными, намеренно избегают каких-либо обобщений как в отношении насильников, так и в отношении их жертв. Так, во время проведения занятий моя коллега из кризисного центра любила повторять: «Человек может оказаться как преступником, так и жертвой изнасилования вне зависимости от своего гендера». И, хотя это утверждение технически верно – в том смысле, что вы можете найти примеры любой возможной гендерной конфигурации изнасилования, – оно сбивает с толку в самом своем построении.

Во всех частях мира от 98 до 99 % людей, осужденных за половые преступления, – это мужчины, в то время как женщины, составляющие оставшиеся 1–2 %, как правило, совершают преступления совсем другого рода. Например, женщины гораздо чаще становятся преступницами при соучастии лиц мужского пола (обычно это мужья или бойфренды) и почти никогда не нападают на незнакомых людей. Это не означает, что нет ни одного случая, когда женщина изнасиловала бы незнакомца или совершила какое-либо другое типичное для мужчин преступление. В мире, где живет более семи миллиардов человек, редкие события случаются каждый день, однако притворяться, что здесь нет очевидной закономерности, до бесстыдства глупо.

Боюсь, нам следует признать: изнасилование – мужское преступление, и далеко не только у нашего вида. Причина его эволюционного закрепления до удивления очевидна: как выразились Рэнгем и Петерсон, «изнасилование вошло в поведенческую модель некоторых видов, потому что оно может увеличить успех отдельного мужчины в передаче генов следующему поколению (что в конечном счете и является целью любого индивида, участвующего в процессе эволюции)⁷³. Другими словами, это один из способов полового размножения самцов, который в некоторых случаях дает эволюционное преимущество.

Это центральный тезис книги «Естественная история изнасилования», в которой эволюционная теория применяется как для понимания причин изнасилований, так и для разработки наиболее эффективных методов их предотвращения. Следует начинать с признания того, что

28 (2008): 982–1008.

⁷² Thornhill and Palmer, *A Natural History of Rape*, p. 72.

⁷³ Richard Wrangham and Dale Peterson, *Demonic Males: Apes and the Origins of Human Violence*. London: Bloomsbury, 1997, p. 140.

репродуктивная функция предъявляет к женщинам больше физиологических требований, чем к мужчинам (будучи на шестом месяце беременности в момент написания этих слов, могу лично засвидетельствовать этот факт). Беременность длится более девяти месяцев, за ней следуют опасные роды, а потом – еще долгие годы грудного вскармливания и ухода за младенцем. Что касается мужчин, то им для реализации репродуктивных функций в действительности нужно приложить ровно столько усилий, сколько требуется для достижения оргазма. Для отцов также может быть выгодно остаться с матерью и ребенком после зачатия, тем самым увеличивая их шансы на выживание, однако это не всегда необходимо. Мужчина, способный обмануть систему – бросить женщину после оплодотворения и уехать в закат, чтобы оплодотворить еще много других женщин, – распространяет свой генетический материал не менее успешно. Конечно, существует опасность возмездия, в том числе физической расправы со стороны родственников женщины, но в некоторых случаях выгоды могут перевешивать риски. Иными словами, существуют различные способы ведения мужской половой жизни: одна модель поощряет серьезные отношения, другая – беспорядочные половые связи (подробнее об этом в главе 4).

Когда книга «Естественная история изнасилования» впервые была опубликована, она вызвала бурную критику со стороны феминисток, некоторые из которых превратно истолковали содержание этой работы⁷⁴. Многие из них неправильно поняли выдвинутый аргумент или же отказались признать, что Торнхилл и Палмер не лукавят в своем осуждении изнасилования (хотя авторы на протяжении всей книги изо всех сил старались подчеркнуть вред, причиняемый изнасилованиями и даже посвятили свою работу «женщинам и девочкам в нашей жизни»).

Слишком немногие из этих критически настроенных феминисток осознали, насколько полезной может быть эта книга для разработки политики, которая бы действительно помогала предотвращать изнасилования, не говоря уже о ее пользе для продумывания более широкого вопроса о том, насколько по-разному сексуальная культура может влиять на мужчин и женщин. Я твердо убеждена, что эта враждебность к эволюционной биологии является ошибкой. Поэтому в оставшейся части книги я буду регулярно опираться на доводы биологов-эволюционистов в ходе выдвижения феминистских аргументов. Стоит нам принять, что мужчины и женщины – разные, и мы тотчас столкнемся с многочисленными следствиями этого тезиса.

⁷⁴ Dreger, *Galileo's Middle Finger*, pp. 118–20.

Как нам с этим быть?

Как много потенциальных насильников среди мужчин? Рада сообщить, что не у всех мужчин есть желание насиловать женщин, хотя число тех, кто хотел бы этого, все равно тревожно велико. Как пишет биолог-эволюционист Дэвид Басс:

Склонность мужчин к изнасилованию зависит от обстоятельств. В одном исследовании мужчины попросили представить, что у них есть возможность принудить женщину к сексу против ее воли без риска быть пойманным, без риска, что кто-либо узнает об этом, без риска заболевания и без риска нанесения вреда своей репутации. 35 % мужчин ответили, что существует некоторая вероятность того, что они принудят женщину к сексу в указанных условиях, хотя в большинстве случаев вероятность была незначительной. В другом исследовании, в котором использовался аналогичный метод, 27 % мужчин ответили, что существует некоторая вероятность того, что они принудили бы женщину к сексу, если была бы исключена возможность, что их поймают. И, хотя эти цифры тревожно высоки, если верить им, они также означают, что большинство мужчин не являются потенциальными насильниками⁷⁵.

Еще меньше мужчин признают, что они уже совершали изнасилование, что обычно формулируется в опросах как «принуждение к сексу против воли партнерши». В Соединенных Штатах и Великобритании эта цифра колеблется в пределах 10 %. Социальный психолог и эксперт по домашнему насилию Дина Макмиллан также говорит о 10 % как о приблизительном значении доли мужского населения, которая действительно представляет опасность⁷⁶. Ядро потенциальных насильников составляет меньшинство мужчин, которые почти всегда склонны проявлять сексуальную агрессию, но также существует более многочисленное меньшинство, для которого возможность подобных действий зависит от обстоятельств. К счастью, это также означает, что большинство мужчин не являются потенциальными насильниками – печально известный хештег #NotAllMen в самом деле не обманывает.

К сожалению, потенциальным жертвам нелегко распознать потенциальных насильников. Торнхилл и Палмер отмечают, что «заключенные под стражу насильники проявляют значительно большее сексуальное возбуждение в ответ на изображения сексуального принуждения с применением физической силы, чем мужчины, которые не были осуждены за половые преступления»⁷⁷ (что неудивительно). К этому Басс добавляет, что по своему характеру насильники, как правило, более импульсивны, более враждебны, сварливы, сексуально распушены, гипермаскулинны и менее склонны к сочувствию по сравнению с другими мужчинами⁷⁸. Другими словами, иногда насильников можно распознать или, по крайней мере, сделать обобщение на их счет. Но не всегда.

Так как же избежать встречи с насильниками? Большинству феминисток – как либеральных, так и радикальных – не нравится этот вопрос, и я понимаю почему. Время от времени полиция запускает какую-нибудь кампанию по предотвращению изнасилований, и эти усилия неизменно вызывают бурную ответную реакцию феминисток. Например, в 2015 году полиция Сассекса выпустила плакаты, которые из соображений безопасности советовали женщи-

⁷⁵ Дэвид М. Басс. Эволюция сексуального влечения. Москва: Альпина Паблишер, 2017. Перевод изменен. – Прим. пер.

⁷⁶ Dina McMillan, 13 апреля 2018, <https://singjupost.com/unmasking-the-abuser-dina-mcmillan-at-tedxcanberra-full-transcript/>.

⁷⁷ Thornhill and Palmer, *A Natural History of Rape*, p. 76.

⁷⁸ Дэвид М. Басс. Эволюция сексуального влечения.

нам держаться вместе во время ночных прогулок⁷⁹. В ответ последовала феминистская петиция с требованием убрать плакаты. Ее авторки писали, что «вовсе не друзья или прохожие должны заниматься предотвращением изнасилований и сексуальных домогательств. Это требование нужно предъявить людям, в руках которых сосредоточена наибольшая власть в этом вопросе, – самим насильникам»⁸⁰.

Разумеется, это так! Но вот в чем проблема: насильникам все равно, что там говорят феминистки. Мне не чужд этот феминистский инстинкт – возражать против малейшего намека на обвинение в адрес жертвы преступления, и особенно со стороны полиции, чья репутация – куда ни посмотри – далеко не безупречна. При этом и система уголовного правосудия, мягко говоря, не лишена своих недостатков. Вот почему я провела большую часть своей сознательной жизни борясь как за улучшение текста закона о сексуальном насилии, так и за его лучшее исполнение. И все же для меня очевидно, что плакаты с надписью «Не насилуй!» не будут иметь абсолютно никакого эффекта, ведь изнасилование уже запрещено законом, и потенциальным насильникам это известно. Мы можем вопить «не насилуй!» хоть до посинения, но какой в этом смысл?

Мы должны иметь возможность и наказывать за изнасилования, и давать советы, которые помогут уменьшить их количество. Хотя мое презрение к насильникам не ведает границ (я даже в шутку говорю друзьям, что хотела бы торговать крошечными гильотинами – самый простой способ отвадить насильника), все же я устала от феминистского дискурса, неспособного предложить ничего лучше бесконечного повторения слов о том, что изнасилование – это плохо. Да, изнасилование – это плохо. Мы знаем это. А теперь давайте что-нибудь с этим делать.

Есть два способа уменьшить количество изнасилований. Первый – лишать потенциальных насильников свободы, например, заключая их в тюрьму. Второй – ограничивать их возможность действовать в соответствии со своими желаниями. Уровень судебного преследования за половые преступления ужасающе низок во всех частях мира. Так, в Великобритании менее 1 % случаев изнасилования заканчиваются обвинительным приговором. Отчасти это объясняется редкостью сообщений о таких преступлениях, отчасти – недостатками системы уголовного правосудия, а отчасти – тем фактом, что уголовное преследование насильников по сути своей проблематично (за исключением случаев, когда изнасилование совершено незнакомцем в отношении ребенка). Даже в идеальной системе – а это не наш случай – всегда будет сложно однозначно доказать наличие или отсутствие согласия.

Я бы хотела, чтобы осужденные насильники проводили в тюрьме гораздо больше времени – если потребуется, всю жизнь, – поскольку у меня есть большие сомнения относительно эффективности программ реабилитации таких преступников. Одна из подобных программ, проводившаяся в тюрьмах Англии и Уэльса на протяжении более десяти лет, фактически несколько увеличила уровень повторных преступлений⁸¹. Моя точка зрения на эту проблему часто подвергается осуждению со стороны тех, кто выступает за отмену тюрем и полиции, как правило, на основании расовой справедливости – они обвиняют меня в «карцеральном феминизме». Мой ответ на это обвинение заключается в том, что женщины и дети, составляющие подавляющее большинство жертв изнасилования, непропорционально часто бывают бедными и небелыми. Если желание защитить этих потенциальных жертв от насилия делает меня «карцеральной феминисткой», то я буду носить этот ярлык с гордостью.

Со своей стороны, осуждающие меня феминистки могут предложить только одну альтернативу тюремному заключению, а именно ресоциализацию, которую обычно пытаются произ-

⁷⁹ ‘Sussex Police defends “victim blaming” campaign poster’, 8 апреля 2015, www.bbc.co.uk/news/uk-england-sussex-32216176.

⁸⁰ См. С www.change.org/p/sussex-police-withdraw-your-rape-prevention-posters-which-blames-victims-of-sexual-assault.

⁸¹ ‘Sex offender treatment scheme led to increase in reoffending’, 30 июня 2017, www.theguardian.com/uk-news/2017/jun/30/sex-offenders-on-group-treatment-programme-more-likely-to-reoffend.

вести на образовательных воркшопах по теме согласия для детей и молодежи. Я участвовала в разработке и проведении этих занятий и не считаю, что они совершенно бесполезны. В частности, они позволяют достичь двух целей. Во-первых, они учат участников (среди которых могут быть потенциальные жертвы) отличать противоправные действия от действий, остающихся в рамках закона. Во-вторых, они продвигают в школах и других учреждениях политику нулевой терпимости. Например, если участник официального воркшопа по теме согласия был уличен в распространении «порномести»⁸², невозможно считать правдоподобным заявление, якобы он не знал, что это незаконно и наказуемо отчислением.

Однако маловероятно, что эти воркшопы предотвратят изнасилования, потому что причина изнасилований – не в недостатке образования. Сотни тысяч лет сексуального насилия – не только у нашего вида, но и у многих других – не являются следствием какого-то недоразумения, которое можно легко устранить в ходе 45-минутного урока, где детям популярно объясняют, что не нужно насиловать друг друга. И, хотя воспитание действительно имеет значение (как мы увидим, в частности, в главе 5, существуют веские основания полагать, что жестокое порно может усиливать существующий паттерн сексуального возбуждения), всерьез полагаться на ресоциализацию не только глупо, но и опасно.

Если мы будем исходить из данных эволюционной биологии, а не из модели Браунмиллер, мы сможем понять, что в действительности преступники, совершившие изнасилование, – это мужчины, которых попросту возбуждает насилие: они плохо контролируют свои импульсы и встретили свою «подходящую» жертву при «благоприятном» наборе обстоятельств. Например, жертва может находиться в уязвимом положении из-за алкогольного или наркотического опьянения или в силу других причин; кроме того, в число таких «благоприятных» обстоятельств входит отсутствие свидетелей, а также отсутствие страха перед какими-либо юридическими или социальными последствиями. Поэтому как женщины, так и мужчины, работающие в секс-индустрии, находятся в чрезвычайно уязвимом положении (подробнее об этом в следующих главах). При этом с наибольшей вероятностью жертвами изнасилований становятся молодые девушки в возрасте от 13 до 25 лет.

⁸² **Порноместь** – размещение в публично доступной сети материалов открыто сексуального характера без согласия изобраенного в них лица. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.